

Помпеи

Автор:

Роберт Харрис

Помпеи

Роберт Харрис

Изнурительно жаркий август. На побережье Неаполитанского залива раскинулись роскошные виллы первых богачей Римской империи. Величайший военный флот мира спокойно стоит на якоре в Мизенах. Отдыхающие заполнили приморские курорты – Байи, Помпеи, Геркуланум...

Но вдруг перестает работать Аква Августа – огромный акведук, идущий по склону Везувия, снабжающий водой полмиллиона человек. Что это? Техническая неисправность или чей-то злой умысел? Куда исчезает имперский смотритель водоводов? Жив ли он? И имеет ли его исчезновение отношение к случившемуся? Вновь назначенному на этот пост Марку Аттилию Приму очень хочется разобраться в этой странной истории, но прежде – надо дать людям воду. Работы в Помпеях и его расследование начинаются утром 23 августа 79 года...

Стильный детективный роман в оригинальных античных декорациях – от автора международных бестселлеров «Фатерланд» и «Энигма»!

Роберт Харрис

Помпеи

Посвящается Джилл

Примечания автора

Римляне делили день на двенадцать часов. Первый, *hora prima*, начинался с восхода солнца. Последний, *hora duodecima*, заканчивался с его закатом.[1 - *Hora prima* – час первый; *hora duodecima* – час двенадцатый (лат.). – Здесь и далее примечания переводчика.]

Ночь делилась на восемь страж – *Vespera*, *Prima fax*, *Concubia* и *Intempesta* шли до полуночи, *Inclinatio*, *Gallicinium*, *Conticinium* и *Diluculum* – после полуночи.[2 - *Vespera* – лат. «вечерняя»; *Prima fax* – «зажигание факелов»; *Concubia* – «время, когда ложатся спать»; *Intempesta* – «глубокая ночь»; *Inclinatio* – от лат. *inclinatus* – «идуший на убыль»; *Gallicinium* – «крик петуха»; *Conticitium* – часть ночи перед рассветом; *Diluculum* – «предрассветная пора, рассвет».]

Дни недели были посвящены Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере, Сатурну и Солнцу.

События, описанные в книге, происходят за четыре дня.

В последнюю неделю августа семьдесят девятого года от Рождества Христова солнце вставало над Неаполитанским заливом примерно в 6 часов 20 минут.

Помпеи

Во всем поднебесном мире нет другой земли, столь щедро одаренной Природой, как Италия, правительница и вторая мать мира, с ее мужчинами и женщинами, ее военачальниками и солдатами, ее рабами, ее превосходством в искусствах и ремеслах, ее обилием выдающихся талантов...

Плиний, «Естественная история»

Разве можно не восхищаться системой водоснабжения, которая в первом веке н. э. поставляла в Рим куда больше воды, чем поставлялось в Нью-Йорк в 1985 г.?

А. Тревор Ходж, «Римские акведуки и водоснабжение»

Марс

22 августа

Два дня до извержения

Conticinium

[04.21]

Выявлена взаимосвязь между силой извержения и продолжительностью предшествовавшего периода покоя. Почти все крупные, вошедшие в историю извержения от вулканов произошли после многолетнего периода безмолвствования оных.

Жак-Мари Бардинцев, Александр Р. Мак-Бриной «Вулканология»

Они покинули акведук за два часа до рассвета и при свете луны отправились в холмы, окружающие порт, – цепочка из шести человек, акварий впереди. Он лично постыгивал рабочих с кроватей, и теперь они, одеревеневшие со сна и мрачные, жаловались на него – не понимая, что в теплом неподвижном воздухе их голоса разносятся куда дальше, чем им кажется.

– Дурацкая затея, – пробурчал кто-то.

– Мальчишка свихнулся на своих книжках, – отозвался другой.

Акварий прибавил шаг.

«Пусть себе болтают».

Он уже чувствовал зарождение дневной жары, предвещающей еще один день без дождя. Почти все члены его бригады были старше аквария, и все без исключения – выше; акварий был крепко сбитым, мускулистым, коротко стриженным шатеном. Черенки инструментов, которые он нес на плече – тяжелой бронзовой кирки и деревянной совковой лопаты, – натирали загорелую шею. Но акварий, невзирая на это, шагал быстро и размашисто, твердо ставя босые ноги, и лишь когда оказались высоко над Мизенами, там, где тропа раздваивалась, остановился, опустил свою ношу на землю и подождал остальных.

Акварий вытер тыльной стороной ладони пот со лба. До чего же сверкающее небо тут у них, на юге! Даже сейчас, перед самым рассветом, огромный звездный купол спускался до самого горизонта. Акварий видел рога Тельца и перевязь с мечом, принадлежащие Охотнику. Вон Сатурн, вон Медведица, а вон и созвездие, которое тут именуют Виноградарем, – то самое, которое всегда поднимается над созвездием Цезаря в двадцать второй день августа, возвещая, что пора собирать виноград. Завтра наступит полнолуние. Акварий поднял руку к небу – его короткие пальцы черным силуэтом отчетливо вырисовывались на фоне мерцающих созвездий. Акварий вытянул пальцы, сжал в кулак, снова распрямил, и на миг ему почудилось, будто он – тень, ничто, а свет весом и материален.

Снизу, из порта, донесся плеск весел; это ночной дозор проплывал между пришвартованными в гавани триремами. Пара рыболовецких судов подмигивали желтыми огоньками-светильниками с другой стороны залива. Где-то залаяла собака; ей отозвалась другая. А потом на тропе послышались голоса рабочих, медленно карабкавшихся следом за акварием. Надсмотрщик Коракс – акварий узнал его по местному резкому выговору – бросил: «Глядите-ка, наш-то новый, машет ручкой звездам!» – и остальные рассмеялись, хватая ртом воздух. Всех их – и рабов, и свободных – сейчас уравнило негодование.

Акварий опустил руку.

– По крайней мере, – сказал он, – с таким небом нам не нужны факелы.

Он вновь взбодрился, подобрал инструменты и закинул обратно на плечо.

– Пошевеливайтесь, скоро рассвет.

Акварий сощурился, вглядываясь в темноту. Одна тропа уходила на запад, огибая холмы. Вторая вела на север, в сторону города Байи, приморского курорта.

– Думаю, нам сюда.

– Он думает! – фыркнул Коракс.

Акварий еще накануне решил, что наилучший способ общаться с этим надсмотрщиком – игнорировать его. А потому он молча повернулся спиной к морю и звездам и двинулся вверх по темному склону. В конце концов, к чему еще сводится руководство, если не к умению наугад выбрать из нескольких путей один и уверенно делать вид, будто твой выбор чем-то обоснован?

Тропа становилась все уже и извилистей. Акварию приходилось ступать боком, временами хватаясь за склон свободной рукой; ноги его скользили, и камешки сыпались куда-то во тьму. Всякий, взглянув на эти бурые холмы, выжженные летними пожарами, решил бы, что тут должно быть сухо, как в пустыне. Но акварий знал, что это не так. И все же он чувствовал, что прежняя его уверенность начинает слабеть. Он попытался вспомнить, как выглядела эта тропа под слепящими солнечными лучами, днем, когда он впервые разведal ее: валки обгорелой травы, и там, где почва понижается, – бледно-зеленые пятнышки среди черноты – признаки жизни, протянувшиеся к валуну побеги плюща.

Одолев половину склона и снова спустившись, акварий остановился и медленно повернулся, описав полный круг. То ли его глаза привыкли к этому освещению, то ли рассвет и вправду близок... Если второе – значит, у них почти не осталось времени. Остальные столпились за спиной у аквария. Он слышал их тяжелое дыхание. Рабочим будет о чем порассказать, когда они вернутся в Мизены: как их новый акварий вытряхнул их из постелей и среди ночи уволок в холмы, и все из-за какой-то дурацкой ошибки. Акварий почувствовал на губах привкус пепла.

– Что, красавчик? Мы заблудились? – снова раздался насмешливый голос Коракса.

Акварий, не удержавшись, клюнул на приманку.

– Я ищу камень.

На этот раз рабочие даже не старались скрыть свой смех.

– То-то он носится кругами, словно мышь в ночном горшке!

– Я знаю, что он где-то здесь. Я пометил его мелом.

Новый взрыв смеха. Акварий развернулся к рабочим. Приземистый, широкоплечий Коракс. Длинноносый Бекко, штукатур. Круглолицый Муса, каменщик. И два раба, Политий и Корвиний. Казалось, будто даже их расплывчатые силуэты исполнены насмешки.

– Смеетесь? Ладно. Но я вам вот что пообещаю: или мы найдем его до рассвета, или нам придется вернуться сюда завтра ночью. Включая и тебя, Гавий Коракс. Только к следующему разу потрудись протрезветь.

Воцарилось молчание. Потом Коракс сплюнул и шагнул вперед. Акварий напрягся, приготовившись к схватке. Они шли к этому вот уже три дня, с того самого момента, как он прибыл в Мизены. И часа не проходило без того, чтобы Коракс не пытался задирать его в присутствии своих людей.

А если мы подеремся, подумал акварий, Коракс победит – еще бы, пятеро на одного! – и они сбросят мой труп со скалы и скажут, что я поскользнулся в темноте. Только вот что они сообщат в Рим, если на Акве Августе меньше чем за две недели погибнет второй акварий?

Несколько бесконечно долгих мгновений они стояли друг напротив друга, на расстоянии одного-единственного шага – так близко, что акварий чувствовал исходящий от Коракса запах перегара. Но тут у одного из рабочих – у Бекко – вырвался возбужденный возглас, и он указал вбок.

За плечом у Коракса виднелся камень, аккуратно отмеченный посередине жирным белым крестом.

Аквария звали Аттилий – если полностью, то Марк Аттилий Прим, но его вполне устраивало просто Аттилий. Он был человеком практичным, и у него не было времени на все те причудливые прозвания, которыми увлекались его земляки. («Люпус», «Пантера», «Пульхер» – «Волк», «Леопард», «Красотка» – да как такое вообще можно воспринимать всерьез?) Да и кроме того, разве было в истории его профессии более славное имя, чем имя рода Аттилиев, вот уж четыре поколения дававших стране зодчих-аквариев? Его прадеда сам Марк Агриппа забрал из отделения баллист XII легиона, – «Фульмината» – «Молниеносного», – и отправил строить Акву Юлию. Его дед спроектировал Новый Аниен. Его отец завершил Акву Клавдию – семь миль арок, – довел ее до Эсквилинского холма и в день освящения положил, словно серебряный ковер, к ногам императора. И вот теперь его, Марка Аттилия, в его двадцать семь лет отправили на юг, в Кампанию, и отдали под его начало Акву Августу.

Династия, построенная на воде!

Аттилий, сощурившись, вглядывался в темноту. О, Августа была настоящим чудом – одним из величайших произведений инженерного искусства, когда-либо существовавших в мире. Надзирать за ней – большая честь. Вдали от Мизен, на противоположной стороне залива, высоко в Апеннинских горах, поросших сосновым лесом, этот акведук вбирал в себя истоки Сериния и нес воды на запад – проводя их через трубы по извилистым подземным путям, через ущелья по ступенчатым аркадам, прогоняя через долины сквозь огромные сифоны – и так до самых равнин Кампаны, и дальше, вокруг Везувия, на юг, к берегу Неаполитанского залива, и, наконец, через весь Мизенский полуостров к этому пыльному портовому городу. Августа тянулась почти на шестьдесят миль, а значит, понижалась на ширину ладони за каждые триста футов. Это был самый длинный акведук в мире – даже длиннее, чем великие акведуки Рима, – и куда более сложный, чем его северные собратья, питавшие водой лишь один-единственный город. Извилистый трубопровод Августы – материнская жила, как его именовали, – поил ни много ни мало девять городов, лежащих на берегах Неаполитанского залива: Помпеи, расположенные в самом конце длинного ответвления, затем Геркуланум, Нола, Ацерра, Неаполь, Путеолы, Кумы, Байи и, наконец, Мизенум.

В том-то и проблема, подумал инженер. На Августу слишком много возложили. В конце концов, в том же Риме больше полудюжины акведуков; если иссякнет один, нехватку воды восполнят другие. А здесь резервного водовода нет, и это особенно остро ощущается в нынешнюю засуху, что тянется уже третий месяц.

Колодцы, откуда брали воду на протяжении нескольких поколений, превратились в пыльные ямы. Ручьи пересохли. Русла рек превратились в тропы – крестьяне гнали по ним скот на ярмарку. Даже Августа выказывала признаки истощения; уровень воды в ее гигантских резервуарах понижался с каждым часом. Именно это и привело Аттилия сюда, на склон холма в столь ранний час, когда ему еще следовало бы мирно спать в своей постели.

Аттилий достал из кожаной поясной сумки кусок полированной кедровой древесины, с вырезанным в боку углублением для подбородка. Поверхность дерева была гладкой и блестящей – от прикосновений его предков. Прадед рассказывал, что эту деревяшку подарил ему в качестве талисмана сам Витрувий, архитектор божественного Августа. Старик утверждал, будто в ней живет дух Нептуна, бога воды. Аттилию было не до богов – всех этих мальчишек с крылышками на сандалиях, женщин, едущих верхом на дельфинах, старцев, в приступе дурного настроения швыряющихся молниями с вершины горы. Это байки для детей – не для мужчин. Аттилий верил в камни и воду, и в ежедневное чудо, происходящее от смешения двух частей мокрого ила с пятью частями путеоланума, местного красного песка. Так возникало вещество крепче камня, из которого можно было выкладывать водовод.

И все же – лишь глупец стал бы отрицать существование удачи, и если эта фамильная реликвия способна принести ему удачу... Аттилий провел пальцем по поверхности дерева. В любом случае попробовать стоит.

Он оставил свои свитки с трудами Витрувия в Риме. Но это неважно. Он помнит их наизусть. Их вколотили в него еще в детстве, в те годы, когда другие мальчишки заучивают стихи Вергилия. Аттилий и поныне мог процитировать по памяти любой абзац.

«О присутствии воды свидетельствуют растения: стройный тростник, дикая ива, ольха, плющ и прочие им подобные, неспособные расти без влаги...»

– Коракс, сюда, – распорядился Аттилий. – Корвиний, стой здесь. Бекко, возьми кол и отметишь то место, на которое я укажу. Вы двое – будьте настороже.

Когда инженер прошел мимо Коракса, тот смерил его взглядом.

– Потом, – сказал Аттилий. От надсмотрщика несло негодованием – почти столь же сильно, как перегаром. Ну и пусть. Они еще успеют уладить свою ссору, когда вернутся в Мизены. А сейчас нужно поторопиться.

Звезды подернулись серой дымкой. Луна спряталась за край горизонта. В пятнадцати милях восточнее, на другой стороне залива, вырисовался силуэт поросшей лесом горы Везувий. Из-за нее и взойдет солнце.

«Вот как следует искать воду: ляг лицом вниз, перед восходом солнца, в том месте, где надлежит проводить поиски, положи подбородок на землю и огляди окрестности. Этот способ не позволит взгляду подняться выше, чем должно, ибо подбородок будет неподвижен...»

Аттилий опустился на выгоревшую траву, вытянулся во весь рост и положил деревяшку так, чтобы она находилась на одной линии с нарисованным мелом крестом – до него было пятьдесят шагов. Затем он положил подбородок на подставку и раскинул руки. Земля до сих пор хранила тепло вчерашнего дня. Потревоженный пепел осел ему на лицо. Росы – ни капли. Семьдесят восемь дней без дождя. Все выгорело дотла. Боковым зрением Аттилий заметил, как Коракс сделал непристойный жест и выпятил пах: «У нашего аквария нет жены, так он пытается трахнуть землю-матушку!» – а потом Везувий потемнел, и из-за его гребня брызнули солнечные лучи. В щеку тут же словно ударила стрела жара. Аттилию, обшаривающему взглядом склон, пришлось поднять руку, чтобы заслонить глаза от ослепительного света.

«Проследи, где над землей курится пар, и копай там, ибо этот знак неоспоримо указывает на присутствие влаги...»

Ты увидишь это быстро или не увидишь вообще – любил повторять отец. Аттилий попытался осмотреть окрестности быстро и методично, переводя взгляд от одного участка к другому. Но все словно начало сливаться в одно пятно: коричневые и серые пятна выжженной растительности, красноватые полосы земли – все принялось дрожать под солнцем. Все поплыло перед глазами. Аттилий приподнялся на локтях, вытер глаза и вновь положил подбородок на подставку.

Вот оно!

Струйка, тоненькая, словно рыбацья леска. Она не курилась и не поднималась к небу, как обещал Витрувий, – она тянулась над самой землей, как будто леска зацепилась крючком за камень, и теперь ее кто-то дергал. Она зигзагом протянулась к Аттилию. И исчезла.

– Бекко, сюда! – взвыл Аттилий, и штукатурщик неуклюже затопал туда, куда ему было указано. – Ближе! Да. Здесь. Отметь это место.

Он поднялся на ноги и заспешил к отмеченному месту, на ходу отряхивая с туники красную грязь и черный пепел. Он улыбался и сжимал в руке волшебный кусочек кедра. Трое уже собрались вокруг того пятка, и Бекко пытался вогнать кол в землю. Но земля была слишком твердой, и кол входить не желал.

– Вы видели?! – торжествующе воскликнул Аттилий. – Должны были видеть – вы же были ближе, чем я!

Рабочие безучастно уставились на него.

– Оно было какое-то странное – видели? И поднималось вот так вот. – Аттилий изобразил несколько отрезков. – Как пар над качающимся котлом.

Он обвел рабочих взглядом. Улыбка его померкла, а там и вовсе исчезла.

Коракс покачал головой.

– Глаза тебя подвели, красавчик. Говорю тебе: нет здесь никакого источника. Я знаю эти холмы. Я двадцать лет лазаю по ним.

– А я тебе говорю, что я это видел!

– Дым. – Коракс топнул по сухой земле, подняв тучу пыли. – Огонь может несколько дней тлеть под землей.

– Я в состоянии отличить дым от пара! Это был пар!

Они, похоже, притворяются, будто ослепли! Наверняка притворяются. Аттилий опустил на колени и ощупал сухую красную землю. Потом начал разгребать ее

руками, откидывая камешки в стороны и вырывая обугленные растения, чьи корни крепко засели в почве. Над этим местом поднимался пар. Аттилий был в этом уверен. Разве плющ мог бы так быстро вернуться к жизни, если бы здесь не было источника?

- Принесите инструменты, - не оборачиваясь, приказал он.

- Акварий...

- Принесите инструменты!

Они копали все утро, а солнце медленно поднималось над синей чашей залива, превращаясь из желтого диска в раскаленную белую звезду. Земля скрипела и натягивалась от жара, словно тетива одной из тех гигантских осадных машин, какие строил его прадед.

Раз мимо них прошел мальчишка, волоча за собой на веревке тощую козу. Больше они никого не видели. Мизены заслонял край утеса. Иногда до них доносился какой-то шум - то команды из военной школы, то стук топоров и скрежет пил с верфи.

Аттилий, натянув поглубже старую соломенную шляпу, трудился усерднее всех. Даже когда остальные начали расползаться по сторонам в поисках клочков тени, Аттилий продолжал работать. Черенок кирки сделался скользким от пота и норовил выскользнуть из рук. Ладони покрылись волдырями. Туника липла к телу, словно вторая кожа. Но Аттилий не мог позволить себе выказать слабость в присутствии этих людей. Даже Коракс и тот через некоторое время заткнулся.

В конце концов они выкопали яму глубиной в два человеческих роста и такую широкую, что в ней могли работать двое. Да, там и вправду оказался источник - но он отступал всякий раз, как они подбирались достаточно близко. Они копали. Порыжевшая земля на дне ямы становилась влажной. А потом высыхала под палящим солнцем. Они снимали следующий слой, и все повторялось сначала.

Лишь в десятом часу, когда солнце поднялось в зенит, Аттилий наконец признал поражение. Он проследил, как уменьшается, испаряясь, последнее пятно влаги,

выбросил кирку наверх и сам вскарабкался следом. Очутившись наверху, он снял шляпу и помахал ею, пытаясь хоть немного остудить лицо. Коракс сидел на камне и наблюдал за ним. Аттилий лишь сейчас заметил, что у надсмотрщика нет головного убора.

– У тебя так по этой жаре все мозги расплавятся, – сказал он, открыл мех с водой, плеснул немного себе в ладонь, протер лицо и шею, а потом стал пить. Вода была горячая и ничуть не освежала – с тем же успехом можно было пытаться пить кровь.

– Я здесь родился. Мне жара не страшна. Мы в Кампанье называем такую погоду прохладной. – Коракс откашлялся и сплюнул. Потом кивком указал на яму: – А с этим что будем делать?

Аттилий взглянул на яму – уродливая дыра в склоне и высящиеся вокруг груды земли. Памятник его глупости.

– Оставим как есть, – сказал он. – Только накроем досками. Когда пойдут дожди, источник вернется. Вот увидишь.

– Когда пойдут дожди, нам уже не нужен будет источник.

Аттилий вынужден был признать, что в этом замечании есть свой резон.

– Мы можем заключить его в трубу, – задумчиво произнес он. Когда дело касалось воды, Аттилий становился романтиком. В его воображении внезапно возникла идиллическая картинка. – Мы можем оросить весь этот склон. Тогда тут можно будет посадить лимонную рощу. Оливы. Можно устроить террасы. Виноград...

– Виноград! – Коракс покачал головой. – Мы что, уже заделались крестьянами? Послушай-ка, что я тебе скажу, красавчик из Рима. Аква Августа действует без перебоев вот уж больше сотни лет. И будет действовать и впредь – даже несмотря на то, что старшим над ней поставили тебя.

– Будем надеяться.

Инженер допил остатки воды. Он наверняка покраснел бы от унижения, но жара помогла ему скрыть свой стыд. Аттилий решительно водрузил шляпу на макушку и натянул края пониже, чтобы скрыть лицо.

– Ладно, Коракс, собирай людей. На сегодня мы здесь закончили.

Аттилий собрал свои инструменты и зашагал прочь, не дожидаясь остальных. Они и сами прекрасно найдут обратный путь.

Акварию приходилось внимательно смотреть под ноги. На каждом шагу из-под ног у него в разные стороны прыскали ящерицы. Он подумал, что здешние края уже больше похожи на Африку, чем на Италию. А потом он вышел на прибрежную тропу, и внизу раскинулись Мизены. Нагретый воздух дрожал над ними зыбким маревом, словно над каким-то городом в оазисе, и пульсировал – или это просто показалось Аттилию? – в едином ритме со стрекотом цикад.

Цитадель имперского флота являла собою триумф Человека над Природой, ибо, по-хорошему, городу просто не полагалось существовать здесь. Тут не было реки, и даже колодцев и источников было немного. Однако божественный Август постановил, что империи нужен порт, дабы контролировать Средиземное море, и порт появился – олицетворение силы Рима: мерцающее серебряное зеркало внутреннего и внешнего рейдов, сверкающие на солнце позолоченные клювы и веерообразные хвостовые надстройки пятидесяти военных кораблей, пыльный плац военной школы, красные черепичные крыши и беленые стены гражданской части города да лес мачт, поднимающийся над верфью.

Десять тысяч моряков и больше десяти тысяч мирных жителей сгрудились на узкой полоске земли, практически не имевшей питьевой воды. Лишь акведуки сделали возможным существование Мизен.

Аттилий снова подумал про странное движение пара и про источник, словно утекающий в скалу. Странные здесь места. Инженер печально взглянул на стертые до волдырей ладони.

«Дурацкая ошибка...»

Он покачал головой, моргнул, пытаясь согнать пот с глаз, и устало зашагал в сторону города.

Hora Undecima

[17.42]

Для предсказания извержений большое практическое значение имеет вопрос: сколько времени проходит между внедрением в резервуар новой магмы и последующим извержением. У многих вулканов этот временной промежуток измеряется неделями или месяцами, а в других он намного короче, и составляет дни, если не часы.

«Вулканология»

На вилле Гортензия, большом прибрежном поместье, расположенном у северной окраины Мизен, шли приготовления к казни раба. Его должны были скормить муренам.

В этой части Италии, где многие дома, окружающие Неаполитанский залив, имели собственные рыбные фермы, в этом не было ничего необычного. Новый владелец виллы Гортензия, Нумерий Попидий Амплиат, впервые услышал подобную историю еще в детстве – о том, как аристократ Ведий Поллион бросал неуклюжих слуг в пруд с муренами в наказание за разбитые тарелки – и часто с восхищением упоминал об этом, как о прекрасной иллюстрации: вот что значит обладать властью! Властью, воображением, остроумием и чувством стиля.

Так что когда Амплиат много лет спустя сам обзавелся рыбными садками – всего лишь в нескольких милях от того места, где располагались владения Ведия Поллиона, у мыса Павзилипон, – и когда один из его собственных рабов уничтожил ценное имущество, естественно, Амплиат тут же вспомнил об этом прецеденте. Амплиат сам был рожден рабом, но он считал, что именно так и надлежит себя вести аристократу.

Раба раздели до набедренной повязки, связали ему руки за спиной и подвели к краю воды. Икры ног ему изрезали ножом, чтобы привлечь внимание мурен; кроме того, раба облили уксусом, чтобы мурены как следует разозлились.

Стоял очень жаркий день.

Мурен держали в отдельном садке, подальше от загоронок с другими рыбами; к нему вела узкая бетонная дорожка, уходящая в залив. Мурены – рыбы длиной и толщиной с человека, плоскоголовые и тупомордые – известны своей агрессивностью и острыми, словно бритва, зубами. Рыбным садкам этой виллы было сто пятьдесят лет, и никто не мог сказать, сколько мурен таится в лабиринте туннелей или в укрытиях, устроенных на дне. Явно очень много. Возможно, сотни. Самые древние мурены выглядели настоящими чудовищами; некоторые носили драгоценные украшения. Поговаривали, будто одна из них, с золотым кольцом на грудном плавнике, была в свое время любимицей императора Нерона.

Этому рабу мурены внушали особый ужас, поскольку – Амплиат наслаждался иронией судьбы – именно в его обязанности прежде входило кормить их, и теперь он начал кричать и вырываться еще до того, как его попытались втащить на ведущую к садку дорожку. Он каждое утро видел мурен в действии, когда бросал им рыбы головы и куриные внутренности: поверхность воды начинала рябить, потом вскипала; мурены чуяли запах крови, стрелой кидались из своих укрытий на добычу и принимались рвать ее в клочья.

В одиннадцать часов, невзирая на изматывающую жару, Амплиат лично спустился к берегу. Его сопровождали сын-подросток, Цельзиний, управитель Скутарий, несколько деловых партнеров Амплиата (они приехали следом за ним из Помпей и торчали здесь с рассвета в надежде на обед) и примерно сотня рабов, которым, как решил Амплиат, предстоящее зрелище должно было пойти на пользу. Жене и дочери Амплиат велел оставаться в доме: женщинам не подобает смотреть на такое. Для хозяина виллы принесли большое кресло, и кресла поменьше – для его гостей. Амплиат даже не знал, как зовут провинившегося раба. Он достался ему вместе с прочими работниками, приставленными к рыбным садкам, когда Амплиат в начале года приобрел эту виллу.

Загородки с рыбами были расположены вдоль берега, на участке, примыкающем к вилле; в них плескались морские окуни с их плотным белым мясом, серая кефаль (для нее приходилось строить садки с высокими стенами, чтобы рыба не ушла обратно в открытое море), камбалы и скарловая рыба, хек, и миноги, и морские угри.

Но самым дорогим из водяных сокровищ Амплиата – его до сих пор бросало в дрожь, когда он вспоминал, сколько заплатил за них, и это при том, что он даже не особенно любит эту рыбу! – была красная кефаль, изящная барабулька, переливающаяся различными оттенками розового и оранжевого. Разводить эту рыбу было необычайно трудно. И вот ее-то негодный раб и погубил. По недосмотру это было сделано или по злему умыслу – Амплиат не знал. Да и не хотел знать – его это не волновало. Важно было другое: сегодня, в начале дня, поверхность этой загородки покрылась многоцветным ковром дохлой рыбы; даже мертвые, барабульки продолжали держаться поближе друг к другу. Когда Амплиата позвали к загородке, часть рыб еще была жива, но умерла у него на глазах; они всплывали со дна бассейна, словно осенние листья, и присоединялись к своим соплеменникам. Все они были отравлены, все до единой. По нынешним рыночным ценам за них дали бы шесть тысяч за штуку – да одна красная кефаль стоила впятеро больше, чем этот жалкий раб, приставленный ухаживать за ними! И вот теперь их оставалось только сжечь. Амплиат мгновенно, не задумываясь, изрек свой приговор:

– Бросьте его муренам!

Пока раба волокли и пихали к краю бассейна, он кричал, не умолкая. Он кричал, что он не виноват. Что корм тут ни при чем. Это все вода. Пусть приведут аквария.

Аквария!

Амплиат сощурился. Море так сверкало под солнцем, что трудно было разглядеть извивающегося раба, и двух других рабов, которые его удерживали, и четвертого, с багром в руках, который колот обреченного в спину, словно копьем, – на фоне искрящихся волн все они превратились в силуэты. Амплиат вскинул руку, словно император: кулак сжат, большой палец отогнут и указывает на землю. Богоподобный в своем могуществе и вместе с тем исполненный простого человеческого любопытства, Амплиат подождал мгновение, наслаждаясь этим ощущением, а потом резко опустил руку.

Кончайте его!

Пронзительные крики раба, бившегося на краю садка с муренами, пронеслись над морской гладью, над террасами, над плавательным бассейном – и проникли в тихий дом, в котором укрылись женщины.

Корелия Амплиата убежала к себе в спальню, бросилась на кровать и спрятала голову под подушку, но крик проникал и туда. В отличие от отца она знала, что раба зовут Гиппонаксом – он был греком, – и знала имя его матери, Аты, что работала на кухне. Ата тоже подняла крик, и ее вопли были еще ужаснее, чем крики Гиппонакса. Несколько мгновений Корелия терпела, потом, не выдержав, вскочила и помчалась по опустевшей вилле на поиски заходившейся криком несчастной. Корелия нашла ее во внутреннем садике: Ата без сил опустилась на землю у колонны.

Завидев Корелию, Ата схватилась за подол молодой госпожи и разрыдалась, раз за разом повторяя сквозь слезы, что ее сын ни в чем не виноват – он кричал ей об этом, когда его уводили. Это все вода, вода, что-то случилось с водой! Почему никто не хочет его выслушать?

Корелия гладила Ату по седым волосам и бормотала что-то успокаивающее. А что еще она могла сделать? Девушка знала, что взывать к отцу о милосердии бесполезно. Он ни к кому не прислушивался, особенно – к женщинам, и тем более – к своей собственной дочери, от которой ожидал лишь безоговорочного повиновения. Ее вмешательство лишь стало бы окончательным приговором для раба. И ей нечего было ответить на мольбы Аты – кроме того, что она ничего не может поделать.

Услышав это, старуха – на самом деле ей еще было немногим больше сорока, но Корелии думалось, что рабам, как и собакам, стоит при пересчете на людской возраст считать год за семь, ибо Ата выглядела самое меньшее на шестьдесят, – внезапно перестала рыдать и вытерла глаза рукавом.

– Я должна найти помощь.

– Ата, Ата, – мягко произнесла Корелия, – кто ж тут поможет?

– Он кричал про аквария. Разве ты не слышала? Я приведу аквария.

– Но где его искать?

– Он может быть у акведука, у подножия холма – там, вместе с рабочими.

Рабыня уже успела подняться на ноги и принялась дико озираться по сторонам. Она дрожала, но была исполнена решимости. Глаза у нее покраснели, а волосы и одежда растрепались. Ата походила на сумасшедшую, и Корелия мгновенно поняла, что ее никто не станет слушать. Над ней либо посмеются, либо закидают камнями.

– Я пойду с тобой, – сказала она.

Тут от моря донесся очередной ужасный крик, и Корелия, одной рукой подобрав подол, другой схватила старуху за руку, и они кинулись через садик, мимо пустующего табурета привратника, к боковой двери – и на раскаленную дорогу.

Конечной точкой Аквы Августы был огромный подземный резервуар, расположенный в нескольких сотнях шагов к югу от виллы Гортензия. Он был вырублен в склоне, выходящем к порту, и его еще в незапамятные времена прозвали Писцина Мирабилис – Озеро Чудес.

Снаружи в нем не было ничего чудесного, и большинство обитателей Мизен прошли бы мимо, не удостоив его и взглядом. Снаружи резервуар выглядел как поросшее бледно-зеленым плющом невысокое здание из красного кирпича, с плоской крышей, длиной в квартал и шириной в полквартала, окруженное лавчонками, складами, амбарами и жилыми домишками, прячущееся в пыльных закоулках военного порта.

И только ночью, когда смолкали уличный гам и крики торговцев, можно было услышать приглушенный, доносящийся из-под земли шум падающей воды. И только тому, кто вошел бы во двор, открыл узкую деревянную дверь и спустился на несколько ступеней, резервуар предстал бы во всей своей красе. Сводчатую крышу поддерживали сорок восемь колонн, каждая – более пятидесяти футов в высоту, и они более чем наполовину уходили в воду; а от грохота воды даже кости начинали вибрировать.

Аттилий мог стоять здесь часами, слушая воду и размышляя о своем. Он слышал в шумах Августы не монотонный непрерывный рев, а пение гигантского

водяного органа, музыку цивилизации. В крыше Писцины имелись вентиляционные отверстия, и во второй половине дня, когда водные брызги искрились в солнечном свете и между колоннами плясали радуги, или по вечерам, когда он запирает дверь и пламя факела играло на гладкой черной поверхности воды, словно золото, расплескавшееся по эбеновому дереву, – в эти моменты Аттилию казалось, будто он находится не в резервуаре, а в храме единственного бога, в которого стоит верить.

Вот и сегодня днем, когда он спустился с холмов, первым порывом Аттилия было пойти и проверить уровень воды в резервуаре. Это стало его навязчивой идеей. Но когда инженер попытался открыть дверь, то обнаружил, что она заперта, – и лишь теперь вспомнил, что ключ остался на поясе у Коракса. Аттилий так устал, что выбросил мысль об осмотре из головы. Он слышал отдаленный рокот Августы – вода продолжала течь, а все остальное значения не имело; и позднее, анализируя свои действия, акварий решил, что не может упрекнуть себя в халатности. Тут он ничего не мог поделать. Да, правда, лично для него тогда все обернулось бы иначе – но на общем фоне это не имело особого значения.

Потому он отвернулся от Писцины и оглядел пустынный двор. Накануне вечером он приказал, чтобы двор за время его отсутствия как следует убрали и подмели, и теперь не без удовольствия отметил, что его приказ выполнен. В этом зрелище наведенного порядка было нечто успокаивающее. Аккуратные стопки оловянных пластин, амфоры с известью, мешки с путеоланумом, фрагменты красноватых терракотовых труб. Все это было знакомо ему с самого детства. Да и запахи тоже: едкий запах извести и терпкий – обожженной глины, весь день пролежавшей на солнце.

Аттилий прошел на склад, бросил инструменты на земляной пол и подвигал ноющим плечом – потом вытер лицо подолом туники и вышел обратно во двор, куда как раз вступили остальные. Они направились напрямиком к питьевому фонтанчику, не обращая никакого внимания на Аттилия, и принялись по очереди пить и обливаться водой – Коракс, за ним Муса, потом Бекко. Рабы терпеливо присели в тенечке, ожидая, пока напьются свободные. Аттилий знал, что в результате сегодняшней накладки он потерял весь свой престиж. Однако же он способен был пережить враждебность рабочих. Ему случалось переживать и кое-что похуже.

Он крикнул Кораксу, что на сегодня работы окончены, получил в ответ насмешливый поклон и направился к узкой деревянной лестнице, ведущей в

предоставленное ему жилье.

Двор был прямоугольным. С северной стороны поднималась стена Писцины Мирабилис. С запада и с юга располагался склад и административное здание акведука. С восточной же стороны находились жилые помещения: на первом этаже – барак для рабов, а над ним – комнаты акварию. Коракс и трое рабочих жили в городе, со своими семьями.

Аттилий оставил мать и сестру в Риме, хотя, конечно же, намеревался перевезти их в Мизены, как только снимет подходящий дом. Ну а пока что он спал в тесном холостяцком жилище своего предшественника, Экзомния; немногочисленные пожитки предыдущего хозяина Аттилий перенес в чуланчик в конце коридора.

Но что же случилось с Экзомнием? Вполне понятно, что этот вопрос был первым, который задал Аттилий, едва лишь прибыл в порт. Но ответа никто не знал – а если кто и знал, то не потрудился донести до Аттилия. Все его расспросы наталкивались на угрюмое молчание. Складывалось впечатление, будто старый Экзомний, сицилиец, руководивший Августой почти двадцать лет, как-то утром – две недели назад – просто вышел из дома, и с тех пор никто о нем не слышал.

При иных обстоятельствах управление смотрителя акведуков в Риме, ведавшее водоводами в первой и второй областях, Лации и Кампанье, предпочло бы немного подождать, до прояснения обстоятельств. Но учитывая засуху, стратегическое значение Августы и тот факт, что на третьей неделе июля сенат разъехался на летние каникулы и добрая половина сенаторов отправилась в свои виллы на берегу Неаполитанского залива, чиновники сочли за благо немедленно отправить замену пропавшему акварию. Аттилий получил вызов на августовские иды, в сумерках – он как раз заканчивал мелкий плановый ремонт Нового Аниена. Его привели к самому смотрителю акведуков, Ацилию Авиоле, в официальную резиденцию смотрителя на Палатинском холме, и предложили ехать в Мизены. Аттилий умен, энергичен, предан своему делу – сенатор знал, как польстить нужному человеку, – и у него нет ни жены, ни детей, которые могли бы задержать его в Риме. Может ли он выехать завтра же? Конечно же, Аттилий сразу принял предложение: это была великолепная возможность продвинуться по служебной лестнице. Он попрощался с родными и успел на корабль, отплывавший днем из Остии.

Аттилий уже начал писать письмо матери и сестре. Теперь оно лежало на тумбочке рядом с жесткой деревянной кроватью. Писание писем никогда не

было его сильной стороной. Будничные подробности – «я доехал нормально, здесь очень жарко», – написанные ученическим почерком, – вот самое большое, на что он был способен. Это письмо ни малейшим образом не передавало смятения, царившего у него в душе, его страхов – а вдруг воды не хватит? – той изоляции, в которой он оказался. Но мать с сестрой были женщинами – что они могли знать? А кроме того, его приучили жить в соответствии с принципами стоиков: не тратить время на пустяки, выполнять свою работу без нытья, оставаться самим собой при любых обстоятельствах – в лишениях, болезнях, страданиях – и во всем придерживаться простоты. Мужчине довольно походной койки и плаща.

Аттилий присел на край тюфяка. Его домашний раб, Филон, принес кувшин с водой, таз, немного фруктов, хлеб, вино и нарезанный ломтями твердый белый сыр. Аттилий тщательно умылся, съел всю еду и напился, разбавив вино водой. А потом улегся на кровать – он так устал, что даже не разделся, – закрыл глаза и мгновенно провалился в то зыбкое состояние между сном и бодрствованием, куда отныне и навеки ушла его покойная жена. И до Аттилия долетел ее голос, настойчивый и умоляющий: «Акварий! Акварий!»

Жене Аттилия было всего двадцать два года, когда ее тело поглотил огонь погребального костра. Эта женщина была моложе – быть может, лет восемнадцати. Но Аттилий еще недостаточно очнулся от сна, а женщина во дворе была достаточно похожа на Сабину, чтобы его сердце бешено заколотилось. Те же темные волосы. Та же белоснежная кожа. Та же роскошная фигура. Женщина стояла у него под окном и звала:

– Акварий! Акварий!

Эти крики выманили мужчин из тени, и к тому моменту, как Аттилий спустился с лестницы, они уже столпились полукругом вокруг девушки и принялись беззастенчиво ее разглядывать. На девушке была свободная белая туника с глубоким вырезом и широкими проймами – обычно такую одежду носят дома, – несколько больше обнажавшие ее округлые белые руки и грудь, чем приличная женщина могла себе позволить при посторонних. Лишь теперь Аттилий заметил, что девушка не одна. Ее сопровождала рабыня – тощая, пожилая, с растрепанными волосами.

Девушка, задыхаясь, что-то лепетала – что-то насчет того, что у ее отца сдохли все до единой красные кефали в загородке, насчет отравленной воды и какого-то человека, которого собираются скормить муренам, – и твердила, что аквариум должен немедленно пойти с ней. Вот и все, что Аттилию удалось уразуметь из ее слов.

Инженер вскинул руку, чтобы прекратить это словоизлияние, и спросил у девушки, как ее зовут.

– Я – Корелия Амплиата, дочь Нумерия Попидия Амплиата, с виллы Гортензия, – нетерпеливо представилась девушка, и Аттилий заметил, как при имени ее отца Коракас многозначительно переглянулся с работниками. – Это ты – аквариум?

– Аквариум здесь нет, – сказал Коракас.

Инженер жестом велел ему умолкнуть.

– Да, я приглядываю за акведуком.

– Тогда пойдем со мной!

Девушка быстро зашагала к воротам – и, похоже, очень удивилась, обнаружив, что Аттилий не спешит следом за ней. Работники расхохотались, а Муса принялся передразнивать девушку – покачивать бедрами и величественно вскидывать голову. «Ах, аквариум, пойдем со мной!..»

Девушка обернулась. На глазах ее блестели слезы бессильной ярости.

– Корелия Амплиата, – терпеливо и достаточно доброжелательно произнес Аттилий, – быть может, красная кефаль мне и не по карману, но я точно знаю, что это морская рыба. А я за море не отвечаю.

Коракас заухмылялся:

– Слышал? Она принимает тебя за Нептуна!

Рабочие снова расхохотались. Аттилий прикрикнул на них и велел умолкнуть.

– Мой отец собирается убить человека. И этот раб просил привести акварию. Больше я ничего не знаю. Ты – его единственная надежда. Так идешь ты или нет?

– погоди, – сказал Аттилий и кивком указал на старуху. Та плакала, спрятав лицо в ладонях. – Кто она?

– Мать приговоренного.

Вот теперь рабочие утихли.

– Ты видишь? – Корелия коснулась его руки. – Пойдем, – негромко произнесла он. – Пожалуйста.

– Твой отец знает, где ты?

– Нет.

– Мой тебе совет – не вмешивайся, – сказал Коракас, обращаясь к Аттилию.

Тот в душе был согласен, что это мудрый совет. Если всякий раз, как слышишь о жестоком обращении с рабом, ты будешь пытаться вмешаться, у тебя не останется времени ни на еду, ни на сон. Бассейн с морской водой, забитый дохлой кефалью? А при чем тут он, Аттилий? Он посмотрел на Корелию. Хотя если тот бедолага и вправду звал его...

Предчувствия, знаки, предзнаменования...

Пар, дергающийся, словно леска. Источник, прямо на глазах уходящий в землю. Акварию, сгинувший бесследно – словно в воздухе растворился. Пастухи твердят, будто на склонах горы Везувий видели великанов. Поговаривают, будто в Геркулануме женщина родила младенца с плавниками вместо ступней. И вот теперь в Мизенах в бассейне в одночасье мрет вся кефаль безо всяких видимых причин.

От этого так просто не отмахнешься.

Аттилий почесал за ухом:

- Далеко ли до твоей виллы?

- Пожалуйста! Несколько сотен шагов! Совсем рядом!

Девушка потянула его за руку, и Аттилий подчинился. Ей трудно было сопротивляться, этой Корелии Амплиате. Может, ему следует хотя бы отвести девушку домой? Женщине ее возраста и общественного положения небезопасно в одиночку бродить по улицам портового города. Аттилий окликнул Коракса, но тот лишь пожал плечами и крикнул в ответ: «Не вмешивайся!» И Аттилий, толком даже не успев понять, что происходит, очутился на улице, потеряв остальных работников акведука из вида.

Стояло то время – примерно за час до заката, – когда жители этой части Средиземноморья начинают показываться из домов. Не то чтобы в городе к этому моменту стало намного прохладнее – отнюдь. Камни были раскалены, словно кирпичи в печи для обжига. Старухи сидели на скамеечках у дверей и сплетничали, а мужчины тем временем собирались в тавернах, выпивали и беседовали. Густобородые бессы и жители Далмации, египтяне с золотыми кольцами-серьгами в ушах, рыжие германцы, смуглые греки и киликийцы, рослые мускулистые нубийцы, черные словно уголь, с глазами, покрасневшими от вина, – люди со всех концов великой империи, достаточно отчаянные либо достаточно честолюбивые, чтобы согласиться отдать двадцать пять лет жизни в обмен на римское гражданство. Откуда-то снизу, от порта, доносился перезвон водяного органа.

Корелия быстро прыгала со ступеньки на ступеньку, подобрав подол; ее мягкие туфли беззвучно ступали по камням. Рабыня бежала впереди. Аттилий мчался последним и бормотал себе под нос:

- «Несколько сотен шагов»! «Совсем рядом»! Ага! И все до единого – вверх по склону!

Но в конце концов они добрались до ровного места, и глазам их предстала длинная высокая коричнево-серая стена с аркой ворот, увенчанной двумя коваными дельфинами, что встретились в поцелуе. Женщины вбежали в ворота

– их никто не охранял, – и Аттилий, оглядевшись по сторонам, последовал за ними. И из шума, толкотни, пыли вдруг перешел в безмолвие и синеву. У Аттилия захватило дух. Бирюза, ляпис-лазурь, индиго, сапфиры – все синие драгоценности, что только сотворила Мать-Природа, – раскинулись сейчас перед ним, от хрустального мелководья до темных вод, граничащих с горизонтом. Сама вилла располагалась на нескольких террасах – фасадом, выстроенная здесь исключительно ради этого изумительного вида. У пристани стояло роскошное двадцативесельное судно; борта его были красно-золотыми, палубу укрывал ковер того же цвета.

Аттилий почти ничего более не запомнил, кроме этой всепоглощающей синевы, поскольку они понеслись дальше. Теперь их вела Корелия – вниз, мимо статуй, фонтанов, зеленых орошаемых лужаек, по мозаичному полу, украшенному изображениями обитателей моря, на террасу с плавательным бассейном – таким же синим, выложенным мрамором и обращенным к морю. У бортика тихо покачивался деревянный мяч, как будто кто-то отвлекся на минуту от игры, да так и не вернулся. Аттилий вдруг осознал, насколько пустынным был этот огромный дом, а когда Корелия указала на балюстраду и Аттилий, положив руки на каменный парапет, осторожно перегнулся через него, он понял, почему вилла опустела. Большинство челяди толпилось сейчас у берега моря.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы охватить разумом все детали этой сцены. Местом действия, как Аттилий и ожидал, служило рыбное хозяйство – но оно оказалась куда крупнее, чем он предполагал. И оно было очень старым. Судя по их виду, эти садки построили еще в последние годы республики: от скал отходили каменные стены, образуя замкнутые прямоугольные бассейны. Поверхность одного из них пестрела дохлыми рыбинами. Вокруг самого дальнего бассейна толпились люди, неотрывно глядя на воду; один из них тыкал во что-то багром. Аттилий присмотрелся повнимательнее – для этого ему пришлось заслонить глаза от солнца, – и его замутило. Эта сцена самой своей неподвижностью напомнила ему момент убийства в амфитеатре – момент почти чувственного единения толпы и жертвы.

За спиной у Аттилия старуха испустила горестный вопль отчаяния. Аттилий отступил от балюстрады, повернулся к Корелии и покачал головой. Ему хотелось побыстрее уйти отсюда. Отчаянно хотелось вернуться к своей профессии, к ее насущным делам, простым и добropорядочным. Здесь он ничего не мог поделать.

Но девушка, подступив вплотную, преградила ему путь.

- Пожалуйста! - взмолилась она. - Помоги ей!

Глаза ее были синими - даже синее, чем у Сабины. Казалось, будто они вобрали в себя всю синеву залива, и даже сверкали они точно так же. Аттилий заколебался, стиснул зубы, потом повернулся и неохотно взглянул на море еще раз.

Он заставил себя осмотреть его до самого горизонта, преднамеренно отводя взгляд от рыбной загородки, потом вновь взглянул на прибрежные воды и попытался оценить картину с профессиональной точки зрения. Он увидел деревянные ворота перемычек. Железные ручки - чтобы открывать эти ворота. Металлические решетки, окружающие некоторые бассейны, - чтобы рыба не могла выпрыгнуть оттуда. Мостики. Трубы. Трубы!

Аттилий застыл, потом резко обернулся и, сощурившись, присмотрелся к склону холма. Прибой наверняка должен был проходить сквозь металлические решетки, встроенные в бетонные стены рыбных садков в подводной части стен; это делалось специально, чтобы вода в садках не застаивалась. Это Аттилий знал. Но трубы... Он склонил голову набок. Постепенно до него начало доходить, в чем тут дело. По трубам наверняка поступает пресная вода - чтобы разбавить воду в садках и сделать ее не такой соленой. Как в лагуне. В искусственной лагуне. Идеальные условия для разведения рыбы. И самая капризная, самая трудная для разведения рыба - это красная кефаль, деликатес, предназначенный лишь для самых богатых.

- В каком месте дом подсоединен к акведуку? - негромко спросил Аттилий.

Корелия покачала головой.

- Я не знаю.

«Ответвление должно быть большим, - подумал Аттилий. - Дом такой величины...»

Он присел рядом с плавательным бассейном, зачерпнул пригоршню теплой воды, попробовал ее, нахмурился, подержал на языке, словно знаток, пробуя редкое вино. Насколько Аттилий мог судить, вода была чистой. Но, опять же, – это могло и ничего не значить. Инженер попытался вспомнить, когда он в последний раз проверял сток акведука. Получалось, что лишь вчера вечером, перед тем, как отправиться спать.

– Когда передохла рыба?

Корелия вопросительно взглянула на рабыню, но та уже не замечала ничего вокруг.

– Не знаю. Кажется, часа два назад.

Два часа!

Аттилий перемахнул через балюстраду на лежащую внизу террасу и решительно зашагал к берегу.

Представление, разыгранное у края воды, не оправдало ожиданий. Но чего и ждать в наши дни, верно? Амплиату все чаще казалось, что он достиг некой точки – то ли в возрасте, то ли в богатстве, – на которой возбуждение ожидания делается куда сильнее и отчетливее, чем пустота самого свершения. Крики жертвы смолкли, хлынула кровь – и что? Всего лишь еще одна смерть.

Лучшим из всего этого было начало: неспешная подготовка, а затем – продолжительный период, на протяжении которого раб просто плавал, выставив лицо над водой и стараясь не шевелиться, чтобы не привлечь внимания обитателей загородки. Очень забавно. И тем не менее на жаре время тянулось медленно, и Амплиат уже начал было думать, что всю эту затею с муренами перехвалили и что Ведий Поллион был далеко не таким стильным, как ему казалось. Но нет: на аристократию можно положиться всегда и во всем! В тот самый момент, когда Амплиат уже готов был плюнуть и уйти, вода забурлила и – хлоп! – лицо исчезло, словно поплавок, на миг вынырнуло обратно – до чего же оно было потешное! – и исчезло уже навсегда. Задним числом Амплиат решил, что это и было кульминацией представления. Потом уже стало гораздо скучнее. Да и смотреть было неудобно, из-за жара клонящегося к горизонту солнца.

Амплиат снял соломенную шляпу, обмахнул ею лицо, словно веером, и взглянул на сына. Сперва ему показалось, будто Цельзиний смотрит прямо перед собой, но потом он заметил, что юноша сидит зажмурившись. Опять этот мальчишка за свое! Казалось бы, он всегда подчиняется приказам. Так нет же: стоит присмотреться, и видишь, что подчиняется он чисто механически, а сам где-то витает мыслями. Амплиат ткнул его пальцем в ребра, и глаза Цельзиния распахнулись.

Ну вот что у него на уме? По-видимому, какая-то восточная чушь. И виноват во всем он сам, Амплиат. Когда мальчишке было всего шесть лет – то есть двенадцать лет назад, – Амплиат построил на собственные средства храм в Помпеях и посвятил его Исиде. Как бывший раб, он не посмел бы построить храм Юпитеру Величайшему, или Матери Венере, или любому другому из наиболее почитаемых божеств. Но Исида была египтянкой, вполне подходящей богиней для женщин, парикмахеров, актеров, изготовителей благовоний и тому подобной швали. Амплиат подарил этот храм городу от имени Цельзиния, чтобы впоследствии ввести мальчишку в городской совет Помпей. И уловка сработала. Но вот чего Амплиат не предвидел, так это того, что Цельзиний отнесется ко всей этой чепухе серьезно. Но он отнесся серьезно, и, несомненно, сейчас именно об этом и размышлял – об Осирисе, боге Солнца, муже Исиды, которого каждый день на закате убивает его вероломный брат Сет, несущий тьму. И о том, что всякого человека после смерти будет судить владыка загробного царства, и тем, кого он сочтет достойным, будет дарована вечная жизнь, и они восстанут снова, подобно Гору, наследнику Осириса, карающему юному солнцу, несущему свет. Неужели Цельзиний и вправду верит во всю эту бабью болтовню? На самом деле считает, будто и этот полуобглоданный раб, например, может на рассвете восстать из мертвых и отомстить за себя?

Амплиат повернулся было, чтобы спросить сына об этом, но тут его отвлек раздавшийся сзади крик. Среди сгрудившихся рабов возникло какое-то шевеление, и Амплиат развернулся вместе с креслом. По лестнице, идущей от виллы, спускался какой-то незнакомый ему мужчина. Спускался, махал руками и что-то кричал.

Принципы строительного дела просты, универсальны и беспристрастны. Они повсюду одинаковы – что в Риме, что в Галлии, что в Кампанье. За это Аттилий их и любил. Даже сейчас, на бегу, он отчетливо представлял себе то, чего видеть не мог. Главный трубопровод акведука проходит по склону холма над

виллой, заглубленный в землю примерно на три фута, и тянется с севера на юг, от города Байи до Писцины Мирабилис. И тот, кто владел этой виллой во времена возведения Аквы Августы – более века назад, – наверняка должен был протянуть два ответвления к себе. Одно должно впадать в большую цистерну, снабжающую водой весь дом, плавательный бассейн и фонтаны в саду. Если главный трубопровод будет загрязнен, может потребоваться целый день, чтобы примеси разошлись по всей системе водоснабжения – в зависимости от величины цистерны. Но другое ответвление должно поставлять воду из Августы напрямую во все эти многочисленные садки. И всякая проблема, случившаяся с акведуком, мгновенно отразится на них.

Тем временем картина начала приобретать не меньшую четкость: хозяин дома – видимо, сам Амплиат – в удивлении поднялся с кресла, а зрители теперь повернулись спиной к загородке и воззрились на Аттилия, преодолевающего последний пролет лестницы. Аттилий сбежал по бетонному пандусу, ведущему к рыбным садкам; он замедлил шаг по мере приближения к Амплиату, но не остановился.

– Вытащите его! – крикнул акварий, пробегая мимо хозяина дома.

Обозленный Амплиат что-то сказал ему вслед, но Аттилий развернулся на бегу – теперь он семенил спиной вперед – и вскинул раскрытые ладони.

– Пожалуйста! Просто вытащите!

Амплиат уставился на него, разинув рот, но потом, не отрывая взгляда от Аттилия, все-таки поднял руку. Загадочный жест. И тем не менее он породил взрыв бурной деятельности, как будто все только и ждали именно этого сигнала. Управляющий сунул два пальца в рот, свистнул рабу с багром и махнул рукой, изображая, будто что-то достает. Раб тут же развернулся, запустил багор в загородку, что-то подцепил и поволок.

Аттилий тем временем оказался почти у самых труб. Вблизи они оказались больше, чем казались с террасы. Терракота. Две трубы. Каждая – больше фута в диаметре. Они выходили из склона, вместе пересекали пандус и у края воды разделялись, устремляясь вдоль садков, в противоположные стороны. В обеих трубах были устроены грубые люки для осмотра – двухфутовые отверстия, накрытые поверх выпуклой терракотовой заслонкой. Добравшись до них,

Аттилий обнаружил, что одну заслонку кто-то снимал, а когда ставил на место, плохо подогнал обратно. Неподалеку валялась стамеска, как будто того, кто ею пользовался, спугнули.

Аттилий опустился на колени, вставил стамеску в щель, просунул поглубже, повернул – и наконец-то смог поддеть край заслонки пальцами. Он снял заслонку и отложил в сторону, не обращая внимания на ее вес. Лицо его при этом оказалось прямо над текущей водой, и Аттилий мгновенно учуял зловоние. Вырвавшись из ограниченного пространства, оно оказалось настолько сильно, что инженера едва не стошнило. Мгновенно узнаваемый запах разложения. Запах тухлых яиц.

Дыхание Гадеса.

Сера.

Раб был мертв. Это было ясно даже издали. Аттилий, сидевший у открытой трубы, увидел, как останки выволокли из садка с муренами и накрыли мешком. Зрители рассеялись и побрели обратно к вилле – а седая рабыня шла навстречу им, сквозь них, к морю. Прочие рабы отводили взгляды и шарахались от нее, словно от чумной. Добравшись до мертвого, старуха воздела руки к небу и принялась раскачиваться из стороны в сторону. Амплиат не обращал на нее ни малейшего внимания. Он решительно двинулся к Аттилию. Корелия – за ним следом. А еще – какой-то юноша, очень на нее похожий – должно быть, брат, – и еще несколько человек. У парочки из них на поясах висели ножи.

Акварий вновь переключил внимание на воду. Что это – плод воображения или напор действительно уменьшился? Теперь, при открытой заслонке, запах сделался куда более наглядным. Аттилий опустил руку в поток, пытаясь оценить его силу, а тот изгибался и извивался вокруг его пальцев, словно мышцы, словно живое существо. Однажды, еще в детстве, Аттилий видел, как во время гладиаторских игр убили слона – лучники и копейщики в леопардовых шкурах. Но Аттилию запомнилась не столько сама травля, сколько последовавшая за этим сцена: дрессировщик слона – должно быть, он сопровождал огромного зверя на всем пути из Африки – сидел на пыльной земле, рядом с умирающим гигантом, и что-то шептал ему. И сейчас Аттилий чувствовал себя этим дрессировщиком. Казалось, будто акведук, громадная Аква Августа, умирает

прямо у него под рукой.

Тут чей-то голос произнес:

– Ты на моей земле.

Аттилий поднял голову и обнаружил, что над ним нависает Амплиат. Владельцу виллы было где-то за пятьдесят. Он был невысок, но широкоплеч и крепко сбит.

– Это моя земля, – повторил Амплиат.

– Земля – твоя. А вода – императора.

Аттилий встал и вытер руку об тунуку. Подумать только: стоит такая засуха, и столько драгоценной жидкости изводится, чтобы богатеи мог тешиться со своей рыбой! Акварий разозлился.

– Тебе следует перекрыть эту трубу. В главном водоводе акведука сера, а красная кефаль не переносит никаких примесей. Вот это, – он намеренно подчеркнул эти слова, – и убило твою драгоценную рыбу.

Амплиат слегка наклонил голову набок и оскорбленно фыркнул. У него было правильное, красивое лицо. А глаза – того же оттенка синевы, что и у его дочери.

– А ты вообще кто такой?

– Марк Аттилий. Акварий Аквы Августы.

– Аттилий? – Миллионер нахмурился. – А что случилось с Экзомнием?

– Хотел бы я это знать.

– Но ведь акварий – он, верно?

– Нет. Как я уже сказал, теперь акварий – я. – Аттилий пребывал не в том настроении, чтобы выказывать уважение этому богатею. Подлый, неумный, жестокий тип. При других обстоятельствах Аттилий, скорее всего, не удержался бы, чтобы не сказать Амплиату пару ласковых, но сейчас ему было не до того. – Мне нужно вернуться в Мизены. С акведуком что-то произошло.

– Что с ним? Какое-то знамение?

– Можно сказать и так.

Аттилий собрался было уходить, но Амплиат быстрым движением перекрыл ему путь.

– Ты меня оскорбил, – заявил он. – На моей земле. В присутствии моей семьи. И теперь пытаешься уйти, даже не извинившись?

Он подступил вплотную, так, что Аттилию стали видны капельки пота среди редящих волос. От хозяина виллы исходил сладковатый запах шафранового масла, самого дорогого из притираний.

– Кто позволил тебе сюда войти?

– Если я чем-либо оскорбил тебя... – начал было Аттилий. Но потом ему вспомнилось искаленное тело под саваном из мешковины, и извинения встали ему поперек горла. – Уйди с дороги.

Он попытался оттолкнуть Амплиата, но тот схватил его за руку, а кто-то уже потянулся за ножом. Аттилий понял, что еще мгновение – один-единственный удар – и все будет кончено.

– Он пришел из-за меня, отец. Это я его позвала.

– Что?

Амплиат резким движением повернулся к Корелии. Что он мог сотворить? Ударил бы он ее? Аттилий так никогда этого и не узнал, ибо в этот самый миг раздался ужасающий вопль. По пандусу шла седая женщина. Она измазала руки,

лицо и одежду кровью сына и теперь шла, выставив руки перед собой и растопырив костлявые смуглые пальцы. Она что-то кричала на неведомом Аттилию языке. Но ему и не нужно было знать этот язык, чтобы понять, что происходит. Проклятье есть проклятье, на каком бы языке его ни произносили. А это проклятье явно было направлено на Амплиата.

Богач выпустил руку Аттилия и повернулся к рабыне, с абсолютно безразличным лицом внимая проклятью. А потом, когда поток слов начал иссякать, он расхохотался. На миг воцарилось молчание, а потом окружающие подхватили этот смех. Аттилий взглянул на Корелию. Та едва заметно кивнула и указала глазами в сторону виллы. «Со мной все будет в порядке, – казалось, говорил ее взгляд. – Иди». И больше Аттилий ничего уже не видел и не слышал, ибо повернулся спиной к этой сцене и помчался наверх. Он преодолевал за один шаг по две-три ступени, но ему казалось, будто ноги у него налиты свинцом, как это бывает в кошмарном сне.

Hora Duodecima

[18.48]

Непосредственно перед извержением может отмечаться пропорциональное увеличение доли серы по отношению к углероду, сернистого газа по отношению к углекислому, серы по отношению к хлору, а также общее количество соляной кислоты... Отмеченное увеличение количества данных компонентов в мантии зачастую свидетельствует о подъеме магмы в спящем вулкане и предупреждает о возможности извержения.

«Вулканология»

Акведук – творение Человека, но он повинуется законам Природы. Акварий может найти источник и направить его в другую сторону, но он, раз двинувшись в заданном направлении, с этого момента течет неотвратно и неумолимо, со средней скоростью две с половиной мили в час, и Аттилию не под силу было помешать ему загрязнять воду Мизен.

Правда, у него еще оставалась слабая надежда, что сера каким-то образом попала только на самую виллу Гортензия, что она просочилась в водовод, отходящий к дому, и что над прекрасным изгибом залива загрязнены лишь владения Амплиата.

Эта надежда жила до тех пор, пока Аттилий не домчался по склону холма до Писцины Мирабилис, выволок Коракса из барака, где тот играл в кости с Мусой и Бекко, объяснил ему, что случилось, и с нетерпением дождался, пока надсмотрщик отперет дверь, ведущую к резервуару, – и в этот миг она испарилась, изгнанная тем же зловонием, что поднималось от трубы на вилле.

– Песье дыхание! – с отвращением выпалил Коракс. – Оно, должно быть, накапливалось уже несколько часов!

– Два часа.

– Два часа? – Надсмотрщик неприкрыто возрадовался. – Так это началось тогда, когда ты таскал нас по холмам из-за твоей дурацкой ошибки?

– А что изменилось бы, если бы мы находились здесь?

Аттилий, зажав нос, спустился на несколько ступенек. Свет померк. Инженер слышал где-то вдали, за колоннами, шум воды, падающей в резервуар, – но это не был обычный мощный плеск. Как он и заподозрил там, на вилле, напор воды падал, причем падал быстро.

Аттилий позвал раба-грека, Полития, – тот стоял на верхних ступенях в ожидании указаний – и велел принести факел и чертеж главного водовода акведука и прихватить со склада бутылку с пробкой – обычно в них брались пробы воды. Политий убежал исполнять приказ, а Аттилий остался стоять, вглядываясь во мрак и радуясь, что надсмотрщик не видит сейчас его лица.

– Коракс, давно ли ты работаешь на Августе?

– Двадцать лет.

– Случалось ли что-либо подобное прежде?

– Нет, никогда. Это ты навлек на нас несчастья.

Аттилий, придерживаясь рукой за стену, осторожно спустился по оставшимся ступеням к самому краю резервуара. Плеск воды, падающей из выходного отверстия Августы, в соединении со зловонным запахом и печальным светом последнего часа дня, вызвали у Аттилия странное ощущение: ему показалось, будто он спускается в преисподнюю. И даже лодка с веслами и та была привязана у стены: вполне подходящая ладья для переправы через Стикс.

Аттилий попытался перевести все это в шутку, чтобы скрыть начавший овладевать им страх.

– Может, ты и вправду мой Харон, – сказал он Кораксу, – но у меня нет монеты, чтобы заплатить тебе.

– Тогда ты обречен на вечные скитания по преисподней.

Что-то во всем этом было не так. Аттилий постучал себя кулаком в грудь – он всегда так поступал в задумчивости, потом повернулся к выходу:

– Политий! Пошевеливайся!

– Уже бегу, акварий!

В дверном проеме и вправду появился худощавый раб, несущий факел и тонкую восковую свечу. Он спустился вниз и вручил все это Аттилию. Инженер поднес горящий фитиль к пакле, пропитанной смолой. Та мгновенно вспыхнула. На стенах заплясали тени.

Аттилий осторожно спустился в лодку, подняв факел повыше, а потом, повернувшись, принял от Полития свернутые в трубочку чертежи и стеклянную бутылку. Лодка была легкой плоскодонкой, предназначенной для ремонтных работ в резервуаре, и, когда в нее забрался еще и Политий, суденышко сильно погрузилось в воду.

«Я должен бороться со своим страхом, – подумал Аттилий. – Я должен быть хозяином положения».

- Если бы это произошло при Экзомнии, что бы он стал делать?

- Не знаю. Но я вот что тебе скажу: он знал эту воду, как никто иной. Он бы это предвидел.

- Возможно, он и вправду это предвидел. Потому и бежал.

- Экзомний - не трус. Он не стал бы бежать.

- Тогда где же он?

- Я тебе уже сто раз повторял, красавчик: я понятия не имею, где он.

Надсмотрщик наклонился, отвязал веревку от кольца, вделанного в стену, и оттолкнулся от ступеней, а потом повернулся лицом к Аттилию и взялся за весла. В свете факела он казался смуглым и коварным и выглядел старше своих сорока лет. Он жил через дорогу от резервуара, и у него была жена и целый выводок детишек. Аттилию стало интересно: за что Коракс так его ненавидит? Может, он сам жаждал занять должность аквариария и возмутился, когда ему на шею посадили какого-то юнца из Рима? Или тут крылось нечто иное?

Он велел Кораксу грести на середину Писцины. Когда они очутились в центре, Аттилий передал факел надсмотрщику, а сам открыл одну из бутылок и закатал рукава туники. Сколько раз он видел, как это проделывает его отец - там, в подземных резервуарах Клавдии или Анио Новис на Эсквилинском холме! Старик научил его чувствовать привкус и аромат каждого потока, столь же неповторимый, как букет хорошего вина. Самая сладкая - вода Аквы Марции: она течет из трех чистых ручьев из бассейна реки Анио. Самая грязная, с примесью песка - в Акве Альзиентине; ее берут из озера, и она годится только для полива. В Акве Юлии вода мягкая и холодная. Ну, и так далее. Отец говорил, что акварию мало знать законы архитектуры и гидравлики. Для того чтобы стать хорошим аквариарием, нужен вкус, обоняние, умение чувствовать воду, камни и почву, сквозь которые эта вода течет на своем пути к поверхности. От этого искусства может зависеть множество жизней.

Аттилию вдруг представился отец - отчетливо, словно живой. Свинец, с которым отец работал всю свою жизнь, убил его еще до наступления пятидесятилетия, и подросток Аттилий стал главой семьи. Под конец от отца почти ничего уже не

осталось. Только кости, обтянутые тонким саваном белой кожи.

Отец знал бы, что делать в подобном случае.

Аттилий повернул бутылку горлышком книзу, перегнулся через борт и погрузил бутылку в воду – потом медленно повернул ее под водой, выпуская воздух. К поверхности потянулась цепочка пузырьков. Аттилий заткнул бутылку пробкой и вытащил из воды.

Усевшись поудобнее, он снова открыл бутылку и поднес к носу. Потом отпил глоток, подержал во рту, покатал на языке, проглотил. Горькая, но пить можно. По крайней мере, пока. Инженер передал бутылку Кораксу; тот подхватил ее, глотнул как следует и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Сойдет, если добавить побольше вина, – вынес он свой вердикт.

Лодка стукнулась о колонну, и Аттилий заметил расширяющуюся полосу между сухим и мокрым бетоном – четко очерченная, она поднималась над поверхностью воды на добрый фут. Вода утекала из резервуара быстрее, чем Августа успевала его наполнять.

Новая вспышка паники. «Сражайся с ней».

– Какова вместимость Писцины?

– Двести восемьдесят квинариев.

Аттилий поднял факел повыше, к крыше, теряющейся где-то в полумраке футах в пятнадцати над ним. Значит, глубина воды сейчас – что-то около тридцати пяти футов. Резервуар заполнен на две трети. Предположим, это – двести квинариев. В Риме принято было считать, что один квинарий примерно равен дневной норме потребления двух сотен человек. Гарнизон Мизен насчитывал десять тысяч человек. Плюс еще тысяч десять гражданских лиц.

Несложно рассчитать.

У них осталось воды на два дня. Предположим, можно выдавать ее по расписанию, час утром и час вечером. И предположим, что концентрация серы в воде на дне Писцины не выше, чем у поверхности. Думай же! В естественных источниках сера теплая, и потому всегда поднимается к поверхности. Но как себя ведет сера, охлажденная до той же температуры, что и окружающая вода? Рассеивается? Всплывает? Погружается?

Аттилий посмотрел в северный конец резервуара, туда, куда впадала Августы.

– Нам нужно измерить давление.

Коракс погреб поближе к водопаду, умело лавируя среди лабиринта колонн. Аттилий, держа в одной руке факел, другой развернул и разложил на коленях чертеж.

На всем западном берегу залива, от Неаполя до Кум, сера встречалась в том или ином виде. Это Аттилий знал. Серу в виде зеленых полупрозрачных глыб извлекали из шахт в Левкогеевых холмах, в двух милях севернее основного водовода акведука. Вокруг города Байи имелось множество горячих серных источников: больные съезжались к ним со всей империи. Было еще озеро под названием Посидиан – его называли так в честь какого-то вольноотпущенника Клавдиев, – такое горячее, что в нем можно было варить мясо. Даже прибрежные воды Байи иногда наполнялись горячей серой, и больные лезли на мелководье в надежде обрести исцеление. Видимо, где-то в этой тлеющей земле – земле, где находилась пещера Сивиллы и пылающие отверстия, ведущие напрямиком в преисподнюю, – где-то здесь сера и смешалась с водами Августы.

Они добрались до туннеля акведука. Коракс на мгновение позволил лодке свободно скользить по воде, а потом несколькими ловкими ударами весел направил ее в противоположном направлении и остановил у самой колонны. Аттилий отложил чертежи и поднял факел повыше. Свет факела заиграл на зеленой плесени, покрывающей стены, а затем осветил высеченную из камня огромную голову Нептуна – собственно, через его распахнутый рот и низвергался блестящий черный поток, воды Августы. Но за тот краткий срок, что понадобился им, дабы доплыть досюда от лестницы, поток успел ослабеть и превратиться в жалкую струйку.

Коракс негромко присвистнул.

– Вот уж не думал, что доживу до такого дня, когда Августа пересохнет. Ты не зря беспокоился, красавчик. – Он взглянул на Аттилия, и по его лицу впервые промелькнула тень страха. – Под какой же звездой ты рожден, что навлек на нас это бедствие?

Акварий обнаружил, что ему тяжело дышать. Он снова прикрыл нос ладонью и поднес факел поближе к поверхности резервуара. Блики света заплясали на поверхности воды; казалось, будто где-то там, в глубине, горит костер.

«Это невозможно, – подумал Аттилий. – Акведуки не иссякают. Во всяком случае, не так, не за несколько часов. Главные водоводы делаются из кирпича, скрепленного водостойким раствором, и окружаются покрытием в полтора фута толщиной. Дефекты конструкции, течь, отложения извести, сужающие трубу, – все это случается, но все эти неполадки проявляют себя постепенно, на протяжении многих месяцев, если не лет. Акве Клавдии понадобилось десятилетие, чтобы окончательно перестать действовать».

От размышлений его отвлек крик раба, Полития.

– Акварий!

Аттилий обернулся, но отсюда лестница была не видна; ее заслоняли колонны, напоминающие сейчас окаменевшие дубы, встающие из вод какого-то темного зловонного болота.

– Что такое?

– Гонец, акварий! Он привез известие о том, что акведук иссяк!

– Это мы и сами видим, недоумок греческий, – пробормотал Коракс.

Аттилий вновь потянулся за чертежами.

– Из какого города он прибыл?

Он ожидал, что раб назовет Байи или Кумы. В худшем случае – Путеолы. Неаполь уже стал бы подлинным бедствием.

Но последовавший ответ был подобен удару под дых.

– Из Нолы!

Гонец был покрыт таким толстым слоем пыли, что напоминал скорее призрак, чем человека. И пока он рассказывал свою историю – о том, что на рассвете в резервуар Нолы перестала поступать вода и что несчастью этому предшествовал сильный запах серы, появившийся в середине ночи, – раздался стук копыт, и во двор рысцой въехал еще один всадник.

Он соскочил с коня и протянул Аттилию папирусный свиток. Письмо от городских властей Неаполя. Там Августа иссякла около полудня.

Аттилий внимательно прочел послание, как-то умудрившись сохранить бесстрастный вид. Во дворе к этому моменту собралась небольшая толпа: две лошади, два всадника и компания работников акведука, бросивших вечернюю трапезу, чтобы послушать о происшедшем. Эта суматоха уже начала привлекать внимание прохожих и окрестных лавочников.

– Эй, водяные души! – крикнул хозяин закуской, находившейся на противоположной стороне улицы. – Что случилось?

«Немного же понадобится, чтобы паника разнеслась по городу, словно пожар под порывами ветра», – подумал Аттилий. Он уже чувствовал в себе ее первую искру. А потому прикрикнул на двоих рабов, чтобы те закрыли ворота, и велел Политию позаботиться о гонцах, напоить и накормить их.

– Муса, Бекко, берите повозку и начинайте загружать. Негашеная известь, путеоланум, инструменты – все, что может понадобиться для починки главного водовода. Столько, сколько сможет тянуть пара волов.

Работники переглянулись.

– Но мы не знаем, что там за повреждение, – заметил Муса. – Одной повозки может и не хватить.

– Тогда мы добудем недостающее в Ноле.

И он быстро зашагал к канцелярии акведука; посланец из Нолы двинулся за ним следом.

– Но что мне сказать эдилам? – Посланец был юн, еще совсем мальчишка. Единственным местом на его лице, не покрытым коркой пыли, были круги вокруг запавших глаз – розовые и мягкие, и по сравнению с ними его взгляд казался особенно испуганным. – Жрецы хотят принести жертву Нептуну. Они говорят, что сера – это ужасное знамение.

– Скажи им, что мы осознаем глубину несчастья, – Аттилий изобразил некий неопределенный жест. – Скажи, что мы починим Августу.

И он, пригнувшись, чтобы не стукнуться об низкую притолоку, нырнул в маленькую комнату. Экзомний оставил документацию Августы в полнейшем беспорядке. Какие-то купчие, долговые расписки, всякие судебные документы, письма от имперского смотрителя акведуков и приказы префекта флота, стоящего в Мизенах, – некоторые из них двадцати- тридцатилетней давности – грудями валялись в сундуках, на столе и прямо на полу. Аттилий локтем смахнул все бумажки со стола и развернул чертежи.

Нола! Но как такое могло случиться? Нола – большой город, расположенный в тридцати милях восточнее Мизен, и рядом с ней нет никаких месторождений серы. Инженер попытался прикинуть расстояние. Повозке, запряженной волами, потребуется самое меньшее два дня, чтобы лишь добраться до Нолы. Карта, словно наяву, с математической четкостью показывала ему, как ширилось бедствие, как пустел акведук. Аттилий измерял карту пальцем, беззвучно шевеля губами. Две с половиной мили в час! Если в Ноле вода иссякла на рассвете, тогда где-то к середине утра это же должно было стрястись с Ацеррой. Неаполь, расположенный в двенадцати милях от Мизен, остался без воды в полдень, значит, к восьми это докатилось до Путеол, к девяти – до Кум, к десяти – до Байи. И вот теперь, к двенадцати, настал и их черед. Неизбежный результат.

Семь городов. Помпеи, расположенные на несколько миль выше Нолы, пока не входят в этот список. Но даже если не считать их... Более двухсот тысяч человек остались без воды!

Тут инженер заметил, что в комнате потемнело. Это Коракс остановился в дверном проеме и привалился к косяку, ожидая, пока на него обратят внимание.

Аттилий свернул карту и сунул под мышку.

– Дай мне ключи от затворов.

– Зачем?

– А что, неясно? Я собираюсь закрыть резервуар.

– Но это вода флота! Ты не можешь этого сделать без дозволения префекта!

– Тогда почему бы тебе не сходить и не получить дозволение? А я тем временем запру затворы!

Вот уж второй раз за день они очутились лицом к лицу, так близко, что каждый мог чувствовать дыхание другого.

– Слушай, что я тебе скажу, Коракс. Писцина Мирабилис – стратегический резерв. Тебе ясно? Для этого она и существует – чтобы ее можно было закрыть в случае чрезвычайного происшествия. Мы тут тратим время на споры, а вода утекает. А теперь давай ключ, или тебе придется ответить за это в Риме.

– Ладно. Делай как знаешь, красавчик. – И Коракс, не отрывая взгляда от лица Аттилия, снял ключ со связки, которую он носил на поясе. – А я и вправду пойду к префекту. И расскажу ему, что тут творится. А потом посмотрим, кто за что ответит.

Аттилий схватил ключ и, отодвинув Коракса с дороги, выскочил во двор.

– Политий, закрой за мной ворота! – крикнул он ближайшему рабу. – И никого не впускайте без моего дозволения!

– Хорошо, акварий.

На улице уже собралась толпа зевак, но они расступились, давая Аттилию пройти. Акварий проскочил мимо, не обращая внимания на их вопросы, свернул налево, потом еще раз налево – и ринулся вниз по крутым лестницам. Где-то вдали все еще продолжал звенеть водяной орган. На веревках, натянутых поперек улочек, сохло выстиранное белье. Люди оборачивались вслед Аттилию, когда он проталкивался мимо них. Какая-то проститутка в шафрановом наряде – лет десяти от роду, никак не старше, – ухватила его за руку и не отпускала, пока Аттилий не вытащил из поясного кошелька пару медных монет и не сунул ей. Девчонка тут же молнией метнулась к жирному каппадокийцу – очевидно, ее хозяину – и отдала деньги ему, а Аттилий, прокляв свою доверчивость, заспешил дальше.

Запоры шлюза находились в небольшом кирпичном сооружении, квадратном, высотой с человеческий рост. В нише, устроенной рядом с дверью, стояла статуя Эгерии, богини источников. У ног статуи лежало несколько увядших цветков, заплесневелых ломтей хлеба и фруктов – подношения от беременных женщин, веривших, что Эгерия, супруга Нумы, владыки покоя, может послать им легкие роды. Еще один нелепый предрассудок. Напрасный перевод пищи.

Аттилий повернул ключ в замке и сердито рванул тяжелую деревянную дверь на себя.

Теперь он находился на одном уровне с дном Писцины Мирабилис. Вода поступала сюда из резервуара сквозь туннель в стене, забранной бронзовой решеткой, протекала по открытому водоводу и растекалась по трем трубам, расходящимся в разные стороны и исчезающим в известняковой стене. Эти трубы несли воду в порт и в сами Мизены. Мощность потока регулировала заслонка, убранная сейчас в стену; ее приводила в действие деревянная рукоять, соединенная с железным колесом. Колесо шло туго – им слишком редко пользовались, но когда Аттилий надавил изо всех сил, колесо все-таки начало вращаться. Заслонка начала опускаться, дребезжа, словно решетка на крепостных воротах, и постепенно сокращая поток воды – пока в конце концов он не иссяк окончательно, оставив после себя запах влажной пыли.

На каменном полу осталось несколько лужиц, но по нынешней жаре они стремительно испарялись – так быстро, что Аттилий буквально видел, как они уменьшаются. Он наклонился и окунул пальцы в такую лужицу, потом лизнул их. Привкуса серы не было.

Ну вот, дело сделано, – подумал Аттилий. На третий день пребывания на новом посту, в засуху, он, ни у кого не спросив, оставил флот без воды. Людей казнили и за меньшие провинности. До Аттилия вдруг дошло, какого он сваял дурака, позволив Кораксу первым пойти к Гаю Плинию. Дело наверняка будет рассматривать следственная комиссия. А надсмотрщик небось прямо сейчас постарается объяснить, кто во всем виноват.

Аттилий запер дверь шлюзовой камеры и оглядел многолюдную улицу. Никто не обращал на него ни малейшего внимания. Никто еще ничего не знал. У Аттилия возникло ощущение, будто он владеет некой огромной тайной, и это знание сделало его скрытным. Он зашагал по узкому переулку в сторону порта, стараясь держаться поближе к стене и не глядеть людям в глаза.

Вилла адмирала находилась на противоположном конце Мизен, и, чтобы добраться до нее, акварию пришлось одолеть полмили – то шагом, то в страхе срываясь на бег, – по дамбе, а потом по разводному деревянному мостику, соединяющему две природные бухты порта.

Еще до того как он покинул Рим, Аттилия предупредили насчет адмирала.

– Там командует Гай Плиний, – сообщил смотритель акведуков. – Рано или поздно тебе придется с ним столкнуться. Он уверен, что знает все обо всем на свете. Возможно, это и правда. С ним нужно обращаться аккуратно. Взгляни как-нибудь при случае на его последнюю книгу, «Естественную историю». Все известные сведения о Матери-Природе, собранные в тридцати семи томах.

Экземпляр этой книги обнаружился в публичной библиотеке в Портике Октавии. Но акварию успел лишь просмотреть оглавление.

«Мир, его очертания и движение. Затмения, солнечные и лунные. Молнии. Музыка звезд. Небесные знамения, засвидетельствованные случаи. Небесные лучи, небесная зевота, цвета неба, небесные огни, небесные венцы, внезапно возникающие кольца. Затмения. Падающие камни...»

В той же библиотеке имелись и другие книги Плиния. Шесть томов, посвященных ораторскому искусству. Восемь – грамматике. Двенадцать – войне в Германии, во время которой Плиний командовал отрядом кавалерии. Тридцать

– об истории империи, которой он служил в качестве прокуратора Испании и Бельгийской Галлии. Аттилий поразился: как Плиний успел и написать так много, и так высоко продвинуться по служебной лестнице!

– Все очень просто – у него нет жены! – сообщил зритель и рассмеялся собственной шутке. – Либо он никогда не спит. А ты следи, чтобы он не застал тебя врасплох.

Заходящее солнце окрасило небо алым. Находившаяся по правую руку от Аттилия большая лагуна – там строили и ремонтировали военные корабли – была пуста по случаю позднего времени. В тростниках время от времени слышались печальные голоса морских птиц. Слева, на внешнем рейде, к порту приближалось залитое золотистым светом пассажирское судно; паруса его были убраны, с каждого борта равномерно вздымалось и опускалось по дюжине весел. Судно проскользнуло между стоящими на якоре триремами имперского флота. Для вечернего рейса из Остии было уже слишком поздно; значит, это какой-нибудь местный корабль. Под весом пассажиров, столпившихся на палубе, судно сильно осело.

«Дожди из молока, из крови, из мяса, из железа, из шерсти, из кирпичей. Предзнаменования. Земля в центре мира. Землетрясения. Пропasti. Дыры в воздухе. Объединенные чудеса воды и огня: минеральная смола; нефть; постоянно светящиеся области. Гармонические принципы мира...»

Аттилий опередил ток воды, и, когда он прошел под триумфальной аркой, служившей входом в порт, в большом общественном фонтане у перекрестка она все еще текла. Вокруг фонтана толпился народ, как и обычно по вечерам: моряки, хватившие лишку, окунали головы в воду, маленькие оборвыши с визгом плескали друг в дружку, женщины и рабы с глиняными кувшинами – одни держали их на плече, другие опирали о бедро – ждали своей очереди, чтобы набрать воды на ночь. Мраморное изваяние божественного Августа, предусмотрительно установленное рядом с людным перекрестком, дабы напоминать гражданам, кому они обязаны этим благом, холодно взирало на прохожих, застыв в своей вечной юности.

Перегруженное судно подошло к причалу. С носа и с кормы опустили сходни, и доски прогнулись под ногами пассажиров, которые, толкаясь и суетясь, ринулись на берег. Багаж передавали из рук в руки. Владелец наемных повозок, захваченный врасплох скоростью этого исхода, заметался из стороны в сторону,

пинками поднимая на ноги своих носильщиков. Аттилий громко поинтересовался, откуда пришел корабль, и извозчик крикнул в ответ:

- Из Помпей через Неаполь, приятель!

Помпеи!

Аттилий, уже двинувшийся прочь, притормозил. «Как странно!» – подумал он. Действительно, странно, что они не получили никаких известий из Помпей, первого города, подсоединенного к главному водоводу. Поколебавшись, инженер развернулся и шагнул навстречу приближающейся толпе.

- Эй, есть тут кто-нибудь из Помпей?

Он замахал свернутыми в трубку чертежами Августы, пытаясь привлечь к себе внимание.

- Был ли кто-нибудь этим утром в Помпеях?

Но никто не отозвался. Пассажиры хотели пить с дороги – и неудивительно! Они же плыли через Неаполь, а там вода иссякла еще в полдень, – и они, огибая Аттилия, устремлялись к фонтану. И лишь какой-то пожилой жрец в колпаке авгура, с посохом в руках, шел медленно, вглядываясь в небо.

- Да, сегодня днем я был в Неаполе, а утром – в Помпеях, – сказал жрец остановившему его Аттилию. – А что? Чем я могу тебе помочь, сын мой?

Он бросил на Аттилия хитрый взгляд слезящихся глаз и понизил голос.

- Не стесняйся. Я умею толковать все, от молний до сверхъестественных явлений, и гадать по внутренностям и по полету птиц, – за умеренную плату.

- Скажи мне, святой человек, – спросил инженер, – когда ты покинул Помпеи?

- С первыми лучами рассвета.

– А работали ли в это время фонтаны? Была ли вода?

От этого ответа зависело столь много, что Аттилий почти боялся услышать его.

– Да, вода была. – Авгур нахмурился и вознес свой посох навстречу меркнувшему свету. – Но когда я прибыл в Неаполь, фонтаны на улицах пересохли, а в термах воняло серой.

Он прищурился и стал вглядываться в небо, выискивая в нем птиц.

– Сера – это ужасное знамение.

– Воистину, – согласился Аттилий. – Но ты точно уверен, что вода была?

– Да, сын мой. Я уверен.

Вокруг фонтана возникла какая-то суета, и собеседники разом обернулись в ту сторону. Все началось с малого – кого-то толкнули. Но вскоре в ход пошли кулаки. Толпа словно сжалась, ринулась сама на себя, и из гущи свалки в воздух взмыл большой глиняный горшок – взмыл, медленно перевернулся и грохнулся на пристань, разлетевшись на множество осколков. Раздался пронзительный женский крик. Из толпы, энергично растолкав людей, выскочил какой-то человек в греческой тунике, крепко прижимая к груди бурдюк с водой. Из раны на виске у него струилась кровь. Он споткнулся, грохнулся, кое-как встал и заковылял прочь, исчезнув в переулке.

«Вот так оно и начинается, – подумал инженер. – Сперва – этот фонтан, потом остальные, окружающие порт, затем большой пруд на форуме. А затем – общественные термы и краны в военной школе и на больших виллах: опустевшие трубы будут исторгать лишь лязг содрогающегося свинца и свист выходящего воздуха...»

Где-то вдали водяной орган застрял вдруг на одной ноте, а потом издал протяжный стон и смолк.

Кто-то завопил, что «этот ублюдок из Неаполя» протолкался вперед и украл последнюю воду – и толпа, словно зверь, наделенный общим разумом,

развернулась и в едином порыве ринулась по узкой улочке в погоню. А потом бесчинства вдруг прекратились, так же внезапно, как и начались, оставив после себя площадь, усеянную осколками и брошенными горшками. Да еще рядом со смолкшим фонтаном в пыли скорчились две женщины, прикрывая руками голову.

Vespera

[20.07]

Землетрясения могут происходить сериями в районах концентрации напряжения – таких, как ближайшие разломы в земной коре, – и в непосредственной близости от прорыва магмы, где происходит изменение давления.

«Энциклопедия вулканов» (под редакцией Харальда Сигурдсона)

Официальная резиденция Гая Плиния располагалась высоко на холме над портом, и к тому времени, как Аттилий добрался туда и его провели на террасу, уже сгустились сумерки. Вокруг всего залива на прибрежных виллах зажглись факелы, масляные лампы и светильники, так что вдоль берега возникла прерывистая мерцающая нить огоньков, что тянулась миля за милей, повторяя изгиб берега, и уходила куда-то к Капри, теряясь в фиолетовой дымке.

Моряк-центурион в полной форме, в нагруднике и шлеме с высоким гребнем, с мечом на поясе, при появлении аквария поспешно удалился, а с каменного стола, стоявшего в решетчатой перголе, быстро убрали остатки обильной трапезы. Аттилий сперва не заметил Плиния, но в тот самый миг, как раб объявил об его прибытии: «Марк Аттилий Прим, акварий Аквы Августы!» – коренастый мужчина лет пятидесяти с небольшим резко развернулся и направился с дальнего конца террасы к Аттилию, а по пятам за ним шли, как предположил Аттилий, гости, которым он помешал наслаждаться ужином – четверо мужчин, изнывающих от жары в своих тогах. По крайней мере один из них, судя по пурпурной кайме его официального одеяния, был сенатором. А за ними тенью следовал Коракс, подобострастный, злорадный и неотвратимый.

Аттилий почему-то представлял себе знаменитого ученого худощавым, а Плиний оказался толстым, и его живот выдавался вперед, словно таран одного из его кораблей. Он вытирал лоб салфеткой.

– Акварий, мне арестовать тебя прямо сейчас? Ты знаешь, что я могу, – это уже ясно.

И голос у него оказался таким, какой положен толстяку: высокий и одышливый. Префект принялся перечислять причины, загибая пухлые пальцы, и с каждым загнутым пальцем голос его становился все неприятнее.

– Для начала – некомпетентность. В этом никто не сомневается? Нерадивость – где ты был, когда сера попала в воду? Нарушение субординации – по какому праву ты закрыл нашу заслонку? Измена – да, я могу возбудить судебное дело об измене. А как насчет провоцирования беспорядков на имперских верфях? Мне пришлось отправить туда центурию моряков – пятьдесят в город, чтобы оторвать кой-кому голову и попытаться восстановить порядок, и еще пятьдесят к резервуару, охранять оставшуюся воду. Измена...

Плиний умолк, поскольку ему не хватило воздуха. Со своими пухлыми щеками, поджатыми губами и редкими седыми кудрями, слипшимися от пота, он походил на разъяренного пожилого Амура, сошедшего с какого-то расписанного, но уже облезающего потолка. Младший из гостей – прыщавый парень лет двадцати – шагнул к командующему и попытался взять его под руку, но Плиний отмахнулся от него. Коракс ухмыльнулся, оскалив потемневшие зубы. Он куда более преуспел в злословии, чем того ожидал Аттилий. Экий, однако, политик! Пожалуй, этому сенатору было бы чему у него поучиться.

Аттилий заметил взошедшую над Везувием звезду. Он как-то до сих пор никогда особо не приглядывался к этой горе – и уж точно не смотрел на нее с этого ракурса. Небо уже стемнело, но гора была еще темнее: ее черный массивный силуэт нависал над заливом. И где-то там таился и источник всех их проблем, подумал Аттилий. Где-то там, на этой горе. Не на той стороне, которая обращена к морю, а на пологом северо-восточном склоне, обращенном к суше.

– И вообще, кто ты такой? – наконец проскрипел Плиний. – Я тебя не знаю. Ты слишком молод. Что случилось с нормальным акварием – как там бишь его зовут?

– Экзомний, – подсказал Коракас.

– Да, Экзомний! Где он? И что там себе думает Ацилий Авиола? Ставить мальчишек на мужскую работу! Это ему что, игрушки? Ну? Отвечай! Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Везувий, высящийся за спиной у адмирала, образовывал безукоризненно правильную пирамиду, а вдоль ее подножия бежала тонкая полоска света – огни прибрежных вилл. В паре мест полоска превращалась в пригоршню огня – Аттилию подумалось, что это, должно быть, города. Он вспомнил карту. Ближайший – это Геркуланум. А тот, немного подальше, – Помпеи.

Аттилий выпрямился.

– Мне нужен корабль, – сказал он.

...Он развернул свою карту на столе в библиотеке Плиния и придавил ее края двумя кусками магнитного железняка, позаимствованного из коробки с минералами. За спиной у Плиния переминался с ноги на ногу старый раб; он держал бронзовый подсвечник тонкой работы. Вдоль стен здесь стояли шкафчики из древесины кедра, забитые папирусными свитками. Дверь на террасу была распахнута настежь, но ни малейшего ветерка не долетало сюда с моря, чтобы развеять жару. Жирные черные струйки дыма, поднимающиеся от свечей, уходили вертикально вверх. Аттилий чувствовал, как струйки пота ползут по его бокам, словно насекомые, и это его раздражало.

– Передайте господам, что мы вскоре к ним присоединимся, – сказал префект, отвернувшись от раба и кивнул акварию: – Ладно, рассказывай.

Аттилий оглядел своих слушателей. В свете свечей лица их выглядели внимательными и напряженными. Прежде чем усесться, они назвали свои имена, и Аттилий проверил на всякий случай, не забыл ли он их. Педий Кассий, старший сенатор: насколько помнилось Аттилию, несколько лет назад Кассий был консулом. А еще ему принадлежала большая вилла неподалеку от Геркуланума. Помпониан, старый боевой товарищ Плиния, приехал на этот ужин со своей виллы в Стабиях. Антий, капитан флагманского корабля «Виктория». Прыщавый юнец оказался племянником Плиния, Гаем Плинием Цецилием Секундом.

Аттилий ткнул пальцем в карту, и все зрители – даже Коракс – подались вперед.

– Изначально я думал, префект, что прорыв произошел где-то здесь – в горящих полях около Кум. Это объяснило бы наличие серы. Но теперь мы знаем, что вода перестала поступать и в Нолу – а это восточнее Кум. Это произошло на рассвете. Время имеет решающее значение, поскольку, согласно словам свидетеля, покинувшего Помпеи на рассвете, там фонтаны по-прежнему были полны водой. Как вы видите, Помпеи расположены на главном водоводе чуть дальше Нолы, так что логично будет предположить, что с Августой что-то случилось именно там.

Это может означать лишь одно. Прорыв произошел где-то здесь, – Аттилий очертил предполагаемую зону, – на этом участке протяженностью в пять миль, где Августа проходит вплотную к Везувия.

Плиний задумчиво уставился на карту.

– А корабль? Куда ему нужно идти?

– Я полагаю, что нашего запаса воды хватит на два дня. Если мы отправимся из Мизен по суше, нам потребуется никак не меньше этих самых двух дней лишь для того, чтобы отыскать место прорыва. Но если мы доберемся в Помпеи морем, – если мы поедем налегке, а все, что нужно, добудем там, – то мы, возможно, сможем приступить к ремонтным работам уже завтра.

Воцарилась тишина, и в этой тишине акварий отчетливо услышал размеренный стук капель воды в водяных часах, стоящих у двери. Какая-то мошка вилась вокруг свечей, уже покрывшихся потеками воска.

– Сколько у вас человек? – спросил Плиний.

– Всего – пятьдесят, но большая их часть рассредоточена вдоль акведука; они следят за состоянием баков-отстойников и резервуаров в городах. В Мизенах у меня двенадцать человек. С собой я возьму половину. Для всех прочих работ, какие только понадобятся, я найму в Помпеях местных жителей.

– Префект, мы можем дать ему либурну, – сказал Антий. – Если он отплывет, когда начнет светать, то сможет добраться до Помпей к середине утра.

Похоже, уже само это предложение вогнало Коракса в панику.

– Прошу прощения, префект, но все это – всего лишь его фантазии. Я бы не стал обращать на них особого внимания. Я бы для начала спросил, откуда Аттилию известно, что в Помпеях все еще есть вода.

– По дороге сюда я встретил на пристани одного человека. Авгур. Он сошел с пришвартованного корабля. Он сказал мне, что покинул Помпеи сегодня утром.

– Авгур! – насмешливо протянул Коракс. – Жаль, что он не предвидел приближения всех этих неприятностей! Ну да ладно. Предположим, он сказал правду. Я лучше всех знаю эту часть акведука, все пять миль. Нам понадобится целый день, чтобы обнаружить, где же произошла утечка.

– Неправда, – возразил Аттилий. – Из акведука утекло столько воды, что это должен заметить даже слепой.

– И как же мы при такой мощной утечке сможем забраться внутрь, чтобы заняться починкой?

– Послушайте, – сказал акварий. – Когда мы доберемся до Помпей, то разделимся на три группы. – На самом деле обо всем этом он пока не думал, так что ему приходилось решать на ходу. Но он чувствовал, что Антий на его стороне, да и Плиний не отрывал взгляда от карты. – Первая группа отправится вдоль Августы, по ответвлению, идущему к Помпеям, и дальше вдоль главного водовода, на запад. Уверяю вас, обнаружить место прорыва будет нетрудно. Вторая группа останется в Помпеях и соберет достаточно людей и материалов, чтобы их хватило для ремонтных работ. Третья группа тем временем поскачет в горы, к источникам в Альбениуме, чтобы перекрыть Августу.

Сенатор внимательно взглянул на Аттилия:

– А такое возможно? В Риме, когда акведук закрывали для починки, воду перекрывали на несколько недель.

– Согласно чертежам, сенатор, это вполне возможно. – Аттилий сам заметил это лишь сейчас, но уже успел загореться этой идеей. Он четко представил себе всю операцию и принялся излагать ее присутствующим: – Я сам никогда не видел истоки Сериния, но, судя по чертежу, его воды стекают в бассейн с двумя выходами. Большая часть воды идет на запад, к нам. Но есть еще и акведук поменьше: он уходит на север, к Беневентуму. Если мы перенаправим всю воду на север и осушим западный водовод, то сможем войти внутрь и отремонтировать его. В отличие от акведуков Рима, где иначе нельзя, здесь нам не придется делать запруды и устраивать временный отводной канал лишь для того, чтобы вообще подступиться к главному водоводу. А значит, работу можно проделать быстрее.

Сенатор перевел взгляд на Коракса:

– Надсмотрщик, это правда?

– Возможно, – сдаваясь, пробурчал Коракс. Похоже было, что он осознал свое поражение, но не желал отступить без боя. – И все-таки я по-прежнему считаю, что все это – выдумки Аттилия, и если он считает, что с ремонтом можно управиться за день-два, так он ошибается. Я же говорил – я знаю этот участок. У нас уже были с ним проблемы почти двадцать лет назад, во время сильного землетрясения. Тогда место аквария только-только занял Экзомний. Он недавно прибыл из Рима, это было его первое назначение, и мы решали проблему вместе. Землетрясение не перекрыло главный водовод полностью – это я вам точно говорю, – и тем не менее нам потребовалось несколько недель, чтобы заделать все трещины в акведуке!

– Что еще за сильное землетрясение? – удивился Аттилий. Он никогда прежде о нем не слышал.

– На самом деле оно произошло семнадцать лет назад, – впервые вмешался в общую беседу племянник Плиния. – Землетрясение произошло в февральскую нону, в консульство Регалия и Вергиния. Как раз в то время император Нерон находился в Неаполе и выступал на сцене. Сенека описал это происшествие. Даты, должно быть, и сам это читал, дядя. Это «Естественные вопросы», книга

шестая.

– Да, Гай, спасибо, – отрезал префект. – Я это читал. Но все равно спасибо за уточнение.

Он посмотрел на карту и надул щеки.

– Хотел бы я знать... – пробормотал он, развернулся в кресле и крикнул рабу: – Дромон! Принеси мой бокал с вином! Живо!

– Дядя, тебе нехорошо?

– Нет-нет. – Плиний положил подбородок на сжатые кулаки и вновь перевел взгляд на карту. – Так от чего на этот раз пострадала Августа? От землетрясения?

– Но ведь тогда мы бы наверняка его почувствовали! – возразил Антий. – То, последнее землетрясение разрушило изрядную часть Помпей. Они до сих пор еще не до конца отстроились. Хорошая половина города в строительных лесах. А сейчас ни о чем подобном не сообщалось.

– И все же, – продолжал Плиний, почти не слыша собеседников, – нынешняя погода как нельзя лучше подходит для землетрясения. Штиль на море. Небо такое безветренное, что птицам трудно лететь. В другое время следовало бы ожидать шторма. Но когда Сатурн, Юпитер и Марс вступают в сочетание с Солнцем, то иногда молния, вместо того чтобы разразиться в воздухе, высвобождается под землей. На мой взгляд, это и есть определение землетрясения: молния, летящая из внутренностей мира.

Тут сзади появился раб с подносом в руках. На подносе красовался большой кубок из прозрачного стекла, на три четверти полный вином. Плиний что-то буркнул и поднес бокал к свече.

– Кокубинское, – благоговейно прошептал Помпониан. – Сорок лет выдержки – а как пьется! – Он облизнул полные губы. – Плиний, я и сам бы не отказался выпить.

– Одну минуту. Взгляните. – Плиний слегка покачал бокал. Вино было густым и цветом напоминало мед. Аттилий уловил его сладкий аромат. – А теперь смотрите внимательно.

Он осторожно поставил бокал на стол.

Сперва инженер не понял, что имеет в виду Плиний, но, приглядевшись к кубку повнимательнее, он заметил, что поверхность вина слегка подрагивает. Из центра кругами побежала легкая рябь, напоминающая дрожь натянутой струны. Плиний взял бокал, и рябь исчезла. Поставил обратно – и она возобновилась.

– Я заметил это во время ужина. Я специально приучил себя внимательно относиться ко всем проявлениям Природы, на которые другие люди не обращают внимания. Эта дрожь не постоянна. Смотрите – сейчас она прекратилась.

– Это и вправду очень интересно, Плиний, – сказал Помпониан. – Поздравляю! Боюсь, если бы такой бокал попал ко мне, я бы уже не выпустил его из рук, не осушив до дна.

На сенатора же эта демонстрация не произвела особого впечатления. Он скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла с таким видом, будто его заставили смотреть на детские фокусы, и он от этого чувствует себя дураком.

– Уж не знаю, что в этом такого значительного. Что стол дрожит? Так мало ли из-за чего он может дрожать? Ветер...

– Сейчас нет ветра.

– ...чьи-то тяжелые шаги. Или, может, Помпониан погладил какую-нибудь из женщин под столом.

Взрыв смеха разрядил напряжение. Один лишь Плиний даже не улыбнулся.

– Нам известно, что этот мир, хоть он и кажется нам неподвижным, на самом деле непрерывно вращается с неопишуемой скоростью. И, возможно, несясь в пространстве, он производит столь громкий звук, что людским ушам просто не

дано его воспринять. Вот, например, звезды звенели бы, как колокольчики на ветру, если бы мы могли их слышать. Не может ли быть такое, что эта рябь в вине – физическое выражение все той же небесной гармонии?

– Тогда почему она то возникает, то исчезает?

– Этого я не знаю, Кассий. Возможно, в какие-то моменты Земля скользит бесшумно, а в иные – наталкивается на сопротивление. Одна из школ полагает, что ветры движутся над землей в одном направлении, а звезды – в другом. Акварий, а ты что думаешь?

– Префект, я – строитель, а не философ, – тактично произнес Аттилий. С его точки зрения, все это было пустой тратой времени. Он подумал было, не упомянуть ли о странном поведении пара на холме, но отказался от этой идеи. Звонящие звезды! Аттилий невольно притопнул от нетерпения. – Все, что я могу сказать, так это то, что главный водовод акведука строился таким образом, чтобы противостоять любым, даже самым чрезвычайным воздействиям. Там, где Августа проходит под землей – а большую часть пути она проходит именно там, – она имеет шесть футов в высоту и три в ширину, и лежит на каменной подушке в полтора фута толщиной, и окружена стенами такой же толщины. И сила, сумевшая это разрушить, должна быть воистину мощной.

– Более мощной, чем та, которая сотрясает вино в моем бокале? – Адмирал посмотрел на сенатора. – Если, конечно, в данном случае мы вправду имеем дело с явлением природы. А если это не явление природы, то что же это может быть? Преднамеренное вредительство – чтобы нанести удар по флоту? Но кто на это осмелился бы? На эту землю нога врага не ступала со времен Ганнибала.

– И вредительство не объясняет наличия серы.

– Сера! – внезапно вмешался Помпониан. – Она же связана с молниями, верно? А кто швыряет молнии? – Он возбужденно оглядел присутствующих. – Юпитер! Нам следует принести в жертву Юпитеру белого быка, а гаруспии пускай погадают на внутренностях. Они и скажут нам, что нужно делать.

Аттилий рассмеялся.

– Что в этом смешного? – возмутился Помпониан. – Идея о том, что мир летит через пустое пространство, куда смешнее! Кстати, Плиний, если он летит, то почему мы с него не падаем?

– Твое предложение превосходно, друг мой, – успокаивающе произнес Плиний. – Я, как командующий флотом, являюсь одновременно главным жрецом Мизен. И я тебя уверяю – будь у меня под рукой белый бык, я бы убил его немедленно. Но пока что нам надо поискать какой-то более практичный путь решения проблемы.

Он опустил обратно в кресло и вытер лицо салфеткой, а затем развернул ее и внимательно изучил, как будто в ней могла содержаться какая-то подсказка.

– Ну что ж, акварий. Я дам тебе корабль. – Плиний повернулся к капитану. – Антий, какая либурна в твоём флоте самая быстрая?

– Пожалуй, «Минерва», префект. Корабль Торквата. Он как раз вернулся из Равенны.

– Прикажи им приготовиться отплыть на рассвете.

– Слушаюсь, префект.

– И ещё я хочу, чтобы у каждого фонтана повесили объявления, сообщающие гражданам, что отныне вводится нормированный отпуск воды. Вода будет включаться лишь два раза в день, на один час, на рассвете и с наступлением сумерек.

Антий скривился:

– Плиний, ты, часом, не забыл, что завтра праздник? Завтра же Вулканалия!

– Я прекрасно помню про Вулканалию.

А ведь правда! – подумал Аттилий. Со своим поспешным отъездом из Рима и хлопотами с акведуком он совсем позабыл, какое сегодня число. А ведь уже подошло двадцать третье августа, день, посвященный Вулкану. В этот день в костры швыряют живую рыбу – в жертву, чтобы умиловить бога огня.

- Но как же быть с общественными банями? - не унимался Антий.

- Закрывать впредь до дальнейшего объявления.

- Людям это не понравится.

- Ну, тут уж ничего не поделаешь. Все мы чересчур изнежились. - Плиний метнул быстрый взгляд на Помпониана. - Империю построили не те люди, что привыкли целыми днями бездельничать в бане. Полагаю, это даже неплохо, если люди вспомнят, за что им следует ценить нынешнюю жизнь. Гай, составь от моего имени письмо к эдилам Помпей. Попроси, чтобы они предоставили людей и все необходимые материалы для починки акведука. Ну, ты знаешь, как это делается. «Именем императора Тита Цезаря Веспасиана Августа, в соответствии с властью, данной мне сенатом и римским народом» - и все такое прочее, чтобы они зашевелились. Коракс, очевидно, ты лучше всех знаешь окрестности Везувия. Значит, ты туда и поедешь, чтобы отыскать место аварии, пока аквариум будет собирать в Помпеях все необходимое.

Надсмотрщик явно впал в смятение, но тут префект повернулся к нему:

- В чем дело? Ты что, не согласен?

- Нет, господин! - Коракс быстро скрыл свое беспокойство, но Аттилий все же успел его заметить. - Я готов искать место прорыва. Но все-таки: может, разумнее бы было одному из нас остаться при резервуаре и присматривать за распределением воды?

Но Плиний нетерпеливо отмахнулся от его возражений:

- Распределение - дело флота. Здесь главное - не допустить общественных беспорядков.

Казалось, что Коракс вот-вот примется спорить с префектом - но затем он сдался и хмуро поклонился.

Со стороны террасы донеслись женские голоса и взрыв смеха.

«Он не хочет, чтобы я ехал в Помпеи! – внезапно понял Аттилий. – Все это представление устроено с одной-единственной целью – чтобы удержать меня подальше от Помпей!»

В дверной проем заглянула женщина, увенчанная причудливой прической. Ей было лет под шестьдесят. На шее у нее красовалось жемчужное ожерелье; Аттилий никогда не видел таких крупных жемчугов. Женщина погрозила сенатору пальцем:

– Кассий, дорогой, ну сколько можно заставлять нас ждать?

– Прости, пожалуйста, Ректина, – сказал Плиний. – Мы уже почти закончили. Кто-нибудь хочет что-нибудь добавить?

Он поочередно оглядел присутствующих.

– Нет? В таком случае я предлагаю наконец-то завершить ужин.

Адмирал отодвинулся вместе с креслом; все прочие встали. Плинию трудно было подняться – мешал живот. Гай протянул ему руку, но префект отмахнулся от предложенной помощи. Он несколько раз качнулся вперед и в конце концов таки поднялся на ноги, но едва не задохнулся от такого усилия. Плиний ухватился одной рукой за стол, а другую протянул было к бокалу – и остановился. Протянутая рука повисла в воздухе.

По поверхности вина вновь бежала едва различимая рябь.

Плиний надул щеки.

– Пожалуй, Помпониан, я все-таки принесу в жертву белого быка. А ты, – он повернулся к Аттилию, – верни мне воду за два дня.

Он взял бокал и отпил глоток вина.

– Иначе – уж поверь мне – всем нам понадобится покровительство Юпитера.

[23.22]

Движение магмы может также беспокоить местное водное зеркало; могут наблюдаться изменения истечения и температуры грунтовых вод.

«Энциклопедия вулканов»

Два часа спустя акварий лежал, маясь без сна, на своей узкой деревянной кровати и ждал рассвета. Знакомая колыбельная акведука смолкла, и ее место заняли негромкие ночные звуки: поскрипывание башмаков караульного на улице, шуршание мышей среди стропил, частый сухой кашель кого-то из рабов в бараке. Аттилий закрыл глаза – лишь затем, чтобы почти сразу же открыть их снова. В панике нахлынувшего кризиса он как-то напрочь позабыл про труп, выволоченный из садка с муренами; но теперь, в темноте, эта картина встала перед ним, словно наяву: вот у края воды сгустилась тишина... Вот тело подцепили багром и выволокли на сушу... Кровь... Крики старухи... Встревоженное бледное лицо и белые руки девушки...

Аттилий понял, что слишком устал, чтобы уснуть, и сел на кровати, спустив ноги на теплый пол. На тумбочке мерцала огоньком маленькая масляная лампа. Рядом лежало неоконченное письмо. Аттилий подумал, что нет смысла его заканчивать. Либо он отремонтирует Августу – и тогда мать и сестра услышат все это от него самого, когда он вернется. Либо услышат о нем – когда его привезут обратно в Рим и поставят перед судом. Какой позор для семьи!

Он взял лампу и поставил на полку, висевшую в изножье; на полке стоял алтарь с фигурками, изображающими духов его предков. Встав на колени, Аттилий взял с алтаря изваяние своего прадеда. Не мог ли старик быть одним из первых строителей Августы? А что, вполне. Согласно документам, хранящимся у смотрителя акведуков, Агриппа привез сюда сорок тысяч рабочих, рабов и легионеров и построил акведуки за восемнадцать месяцев. Это произошло через шесть лет после того, как он построил Акву Юлию в Риме и через семь лет после постройки Вирго, а дед Аттилия определенно принимал участие и в том, и в другом. Акварию приятно было думать, что его прадед – тоже Аттилий – мог отправиться на юг, в эти изнемогающие от жары края. Быть может, он даже

сидел на этом самом месте, пока рабы рыли Писцину Мирабилис. Мало-помалу аквариий вновь воспрял духом. Люди построили Августу – люди ее и починят. Он сам и починит.

А еще отец...

Аттилий вернул фигурку на место и взял другую, бережно проведя пальцами по гладкой поверхности.

«Твой отец был храбрым человеком; постарайся же не посрамить его».

Аттилий был еще совсем ребенком, когда отец завершил строительство Аквы Клавдии, но ему так часто рассказывали о дне ее открытия – о том, как он, четырехмесячный, плыл на плечах отца над огромной толпой, собравшейся на Эсквилинском холме, – что иногда ему казалось, будто он и вправду все это помнит. И пожилого Клавдия, который, подергиваясь и заикаясь, приносил жертву Нептуну, – и как, словно по волшебству, вода хлынула в туннель в тот самый миг, когда он воздел руки к небу. Но это не имело ничего общего с вмешательством богов, несмотря на изумленные возгласы свидетелей. Просто отец Аттилия хорошо знал законы природы и открыл заслонки в начале акведука ровно за восемнадцать часов до того, когда церемония должна была достичь своего кульминационного момента, и прискакал обратно в город, обогнав поток.

Аттилий задумчиво разглядывал глиняную статуэтку.

А ты, отец? Ты когда-нибудь бывал в Мизенах? Ты знал Экзомния? Римские аквариии всегда были единой семьей – сплоченной, словно когорты. Так ты любил говорить. Был ли Экзомний среди тех, что присутствовали на Эсквилине в день твоего триумфа? Держал ли и он меня на руках в свой черед?

Аттилий еще немного поглядел на статуэтку, потом поцеловал ее и осторожно поставил к остальным.

Он присел на корточки.

Сперва исчезает аквариий – потом вода. Чем больше Аттилий размышлял об этом, тем сильнее ему казалось, что эти события связаны между собой. Но как? Он

оглядел грубо оштукатуренные стены. Нет, тут никакой зацепки не осталось. Эта скромная комната не сохранила ни малейшего отпечатка, что поведал бы о характере ее прежнего хозяина. А ведь Экзомний, если верить Кораксу, руководил Августой двадцать лет.

Аттилий взял лампу и вышел в коридор, прикрывая огонек ладонью. Отдернув занавеску, Аттилий осветил в чулан, куда сложили имущество Экзомния. Два деревянных сундука, пара бронзовых подсвечников, плащ, сандалии, ночной горшок. Немного для нажитого за всю жизнь. Аттилий отметил про себя, что сундуки не заперты.

Он взглянул в сторону лестницы, но с той стороны не слышно было ничего, кроме дружного храпа. Не выпуская лампу, Аттилий поднял крышку ближайшего сундука и пошарил в нем свободной рукой. Одежда – по большей части изрядно поношенная; от нее пахло застарелым потом. Две туники, набедренная повязка, аккуратно сложенная тога. Аттилий опустил крышку, стараясь не шуметь, и открыл второй сундук. В нем тоже было не так уж много вещей. Скребок для бани – удалять с кожи ароматическое масло. Фигурка Приапа с воздетым пенисом. Глиняный стакан для костей, украшенный по краю узором из пенисов. Сами кости. Несколько стеклянных флаконов с сушеными травами и мазями. Пара тарелок. Небольшой бронзовый кубок, сильно потускневший.

Аттилий потряс стакан с костями, стараясь не шуметь, и метнул их. Ему повезло. Четыре шестерки – бросок Венеры. Аттилий попробовал еще раз. Снова выпала Венера. На третий раз до него дошло. Кости – шулерские.

Аттилий отложил их в сторону и взял кубок. Действительно ли он был сделан из бронзы? Теперь, присмотревшись к нему повнимательнее, Аттилий уже не был в этом уверен. Он взвесил кубок в руке, перевернул, подышал на донце и потер его. На донышке проступило золотое пятнышко и часть выгравированной буквы П. Аттилий потер еще, постепенно расширяя радиус очищенного пятнышка – пока не смог разглядеть инициалы.

Н.П.Н.в. А.

«В» – означало «вольноотпущенник» и свидетельствовало, что кубок некогда принадлежал освобожденному рабу.

Рабу, освобожденному семейством, чье родовое имя начиналось с буквы «П» и который был достаточно богат и достаточно вульгарен, чтобы пить вино из золотого кубка.

И внезапно Аттилий вновь услышал ее голос – так отчетливо, словно девушка стояла перед ним:

«Я – Корелия Амплиата, дочь Нумерия Попидия Амплиата, хозяйина виллы Гортензия...»

Лунный свет поблескивал на черных плитах узкой мостовой и очерчивал силуэты плоских крыш. Казалось, что сейчас так же жарко, как и днем; луна была яркой, словно солнце. Шагая между погруженными в молчание домами с закрытыми ставнями, Аттилий представлял, как она стрелой несется впереди, и словно видел движения ее бедер под простым белым платьем.

«Несколько сотен шагов – и все до единого вверх по склону!»

Он снова добрался до ровного участка у стены огромной виллы. Из-под стены выскочил здоровенный серый кот, перебежал дорогу и скрылся. Целующиеся бронзовые дельфины так и застыли в прыжке над запертыми на цепь воротами. Аттилий слышал вдали шум прибоя, накатывающегося на берег, и стрекот цикад в саду. Он подергал металлическую решетку и прижался лицом к теплему металлу. Комнатка привратика была заперта, и ставни закрыты. Не видно было ни огонька.

Инженер вспомнил, как Амплиат отреагировал на его появление на берегу. «А что случилось с Экзомнием? Но ведь аквариум он – верно?» В голосе богача звучало удивление и, возможно, – это лишь сейчас пришло Аттилию на ум, – кое-что еще. Тревога.

– Корелия! – негромко позвал он. – Корелия Амплиата!

Никто не отозвался. Но затем в тишине раздался шепот, такой тихий, что Аттилий едва расслышал его.

– Ушли...

Женский голос. Он доносился откуда-то слева. Аттилий отступил на шаг и принялся вглядываться в тень. Но не увидел ничего, кроме кучки тряпья, валяющейся у стены. Инженер подошел поближе и увидел, что эта ветошь шевельнулась. Из-под нее высунулась худая нога – лишь кожа да кости. Это была мать убитого раба. Аттилий опустил на колено и осторожно коснулся грубой ткани. Старуха содрогнулась, потом застонала и что-то пробормотала. Аттилий отдернул руку и обнаружил, что пальцы его в крови.

– Ты можешь встать?

– Ушли, – повторила она.

Аттилий осторожно ее приподнял; старуха села, привалившись к стене. Голова ее упала на грудь, и инженер заметил, что спутанные волосы старухи оставили влажное пятно на камне. Рабыню выпороли и чудовищно избили – и выбросили со двора, умирать.

Н.П.Н.в. А. Нумерий Попидий Нумериев вольноотпущенник Амплиат. Обязанный свободой семье Попидиев. Вот уж верно говорят: нет более жестокого господина, чем бывший раб.

Аттилий осторожно приложил пальцы к шее старухи и удостоверился, что она еще жива. Потом он подсунул одну руку ей под колени, а второй обхватил за плечи. А потом поднялся – легко, без малейших усилий. Она почти ничего не весила – кости да лохмотья. Откуда-то со стороны порта донесся голос ночного вахтенного:

– Медиа ноктис инклинатио!

Полночь.

Акварий выпрямился и зашагал вниз по склону. А на смену дню Марса шел день Меркурия.

Меркурий

23 августа

За день до извержения

Diluculum

[06.00]

К 79-му году н. э. под вулканом образовался резервуар с магмой. Когда он начал формироваться, сказать невозможно, но он достиг объема минимум в 3,6 кубических километра, залегал на глубине в три километра и был стратифицирован: слой щелочной, взрывоопасной магмы (55 процентов SiO₂ и почти 20 процентов K₂O) лежал поверх несколько более плотной магмы.

Питер Франциск, «Вулканы: планетарная перспектива»

На вершине огромного каменного маяка, скрытого за гребнем южного мыса, рабы тушили огни, ибо наступило утро. Предполагалось, что тут – священное место. Согласно Вергилию, именно на этом месте морской бог Тритон сразил Мизена, вестника троянцев. Считалось, что тут он и похоронен, вместе со своими веслами и трубой.

Аттилий смотрел, как за трехглавым мысом гаснут красные отсветы и как на фоне жемчужно-серого неба начинают вырисовываться силуэты военных кораблей, стоящих в порту.

Он повернулся и пошел вдоль пристани туда, где ожидали остальные. Теперь он наконец-то мог разглядеть их лица. Муса. Бекко. Корвиний. Политий. А Коракса не видать.

– Девять борделей! – вещал Муса. – Уж поверьте мне: если вам хочется завалиться в постель с девчонкой, Помпеи – самое место для этого дела. Там

даже Бекко сможет дать своей руке роздых. Эй, акварий! – крикнул он, когда Аттилий подошел поближе. – Скажи Бекко, что он сможет найти себе девчонку!

На пристани воняло дерьмом и рыбьими потрохами. Аттилий заметил под ногами гнилой арбуз и белесую, раздувшуюся тушку дохлой крысы – они покачивались на воде у одного из столбов, на которых стоял причал. Поэтично, ничего не скажешь. Аттилию вдруг захотелось увидеть какое-нибудь из северных холодных морей, о которых ему доводилось слышать, – быть может, Атлантику, или море у побережья Германии, – землю, где высокий прилив каждый день омывает песок и камни. Какой-нибудь более здоровый край, чем берега этого тепловатого моря, прозванного римским озером.

– Пока мы не починили Августу, Бекко может спать хоть со всеми девчонками Италии, вместе взятыми, – мне без разницы.

– Тогда действуй, Бекко! Твой член скоро станет таким же длинным, как твой нос...

Обещанный Плинием корабль стоял у пристани. Он носил имя богини мудрости Минервы, и на носу у него красовалось резное изображение совы – символа богини. Либурна. Судно, уступающее триreme в размерах. Построенное ради скорости. Ее ахтерштевень возносился над палубой и изгибался, словно хвост изготовившегося к удару скорпиона. На либурне не было ни души.

– ...Кукулла и Змирина. И еще та рыжая еврейка, Марта. И маленькая гречанка – если ты любишь такие штуки, – ее матери еще самой около двадцати...

– И какая нам польза от корабля без команды? – пробормотал Аттилий себе под нос. Он уже начал нервничать. Он не мог себе позволить потерять ни единого часа. – Политий, сбегай-ка в казармы и выясни, в чем дело.

– ...Эгле и Мария...

Молодой раб встал.

– Не нужно, – сказал Корвиний и мотнул головой в сторону входа в порт. – Они идут.

– Должно быть, твой слух острее моего... – сказал Аттилий, но тут он и сам услышал топот множества ног: моряки быстрым шагом шли из военной школы. Потом они пересекли деревянный мост через дамбу, и отрывистый ритм сменился размеренным грохотом сандалий с деревянными подошвами; затем в поле видимости появилась пара факелов, и отряд вступил на улицу, ведущую к порту. Они шли по пятеро в ряд; впереди – три офицера в доспехах и шлемах с высокими гребнями. Команда – и колонна остановилась. Другая команда – она рассыпалась, и моряки двинулись к кораблю. Никто из них не произнес ни слова. Аттилий отступил, давая им пройти. Облаченные в туники без рукавов гребцы с их уродливыми плечами и огромными мускулистыми руками казались до нелепости непропорциональными.

– Только гляньте на них, – протянул самый высокий из офицеров. – Цвет военного флота: не люди, а быки.

Он повернулся к Аттилию и вскинул в салюте сжатую в кулак руку:

– Торкват, триерарх «Минервы».

– Марк Аттилий, акварий. Поплыли.

Погрузка не отняла много времени. Аттилий не видел смысла тащить сюда из резервуара тяжелые амфоры с негашеной известью и мешки с путеоланумом, а потом еще и переть это все через залив. Если в Помпеях, как рассказывали, во множестве кипят стройки, он лучше воспользуется письмом Плиния и возьмет все, что нужно, там. Вот инструменты – дело другое. Всегда лучше работать собственными инструментами. Привычнее.

Инженер выстроил своих людей цепочкой, чтобы погрузить инструменты на либурну. Он передавал их Мусе – топоры, кувалды, пилы, кирки, деревянные поддоны для замеса глины, для ее перемешивания, тяжелые полосы железа для подравнивания уже уложенного раствора, – тот швырял их Корвинию, и так до тех пор, пока инструменты не попадали к Бекко, стоящему на палубе «Минервы». Они работали быстро, без болтовни, и к тому моменту, как они закончили, уже рассвело, и корабль был готов к отплытию.

Аттилий поднялся по сходням и спрыгнул на палубу. Выстроившиеся в ряд моряки с баграми ждали приказа, чтобы оттолкнуться от причала. Торкват, стоявший рядом с рулевым, окликнул Аттилия:

– Акварий, у вас все готово?

– Да! – отозвался он. Чем скорее они отплывут, тем лучше.

– Но еще нету Коракса, – возразил Бекко.

Ну и черт с ним, подумал Аттилий. Оно и к лучшему. А с работой он справится и сам.

– Это заботы Коракса.

Моряки отвязали швартовы. Багры метнулись вперед, словно копья, и ударились о причал. Палуба под ногами Аттилия содрогнулась. Поднялись весла – и «Минерва» двинулась вперед. Аттилий взглянул на берег. У общественного фонтана уже собралась толпа; люди ждали, когда дадут воду. Может, ему стоило все-таки задержаться и проследить, чтобы задвижки закрыли вовремя? Но он оставил шестерых рабов, чтобы они присматривали за Писциной. К тому же ее охраняют моряки Плиния.

– Вон он! – крикнул Бекко. – Смотрите! Коракс бежит!

Он замахал руками над головой.

– Коракс! Э-ге-гей! Сюда! – Он смерил Аттилия обвиняющим взглядом. – Вот видишь! Ты должен был подождать его!

Надсмотрщик был уже у фонтана. Он шел, ссутулившись, как будто погрузился в размышления, и нес на спине дорожную суму. Теперь же он поднял голову, увидел отходящий корабль и помчался бегом. Для человека его лет он двигался весьма проворно. Расстояние между кораблем и пристанью быстро увеличивалось – три фута, четыре... – И Аттилию казалось, что Коракс безнадежно опоздал. Но он домчался до края, швырнул свою суму и сам прыгнул следом. Двое матросов подхватили его и втащили на корму. Надсмотрщик

приземлился на ноги, сердито зыркнул на Аттилия и показал ему средний палец. Инженер отвернулся.

«Минерва» развернулась к выходу из порта и ошетибилась веслами – по две дюжины с каждого борта. Над палубой разнесся рокот барабана, и весла опустились. Очередной удар – и весла со всплеском вошли в воду; на каждом сидело по два гребца. Либурна заскользила вперед, сперва незаметно, а потом – наращивая скорость по мере того, как учащались удары барабана. Кормчий, наклонившись над носовым тараном и неотрывно глядя вперед, указал направо. Торкват выкрикнул приказ, и рулевой с силой надавил на огромное весло, служащее рулем, чтобы вписаться между двумя триремами, стоящими на якоре. Впервые за четыре дня Аттилий ощутил дуновение ветерка.

– Глянь, акварий, – у тебя появились зрители! – крикнул Торкват и указал на холм над портом. Аттилий узнал длинную белую террасу виллы, окруженную миртовой рощей, и тучную фигуру самого Плиния. Префект стоял, прислонившись к балюстраде. Интересно, о чем он сейчас думает? Аттилий нерешительно вскинул руку. Мгновение спустя Плиний ответил на приветствие. А затем «Минерва» вошла в проем между двумя огромными военными кораблями, «Согласием» и «Нептуном», и когда Аттилий снова оглянулся, терраса уже опустела.

Вдалеке, над Везувием, показался краешек солнца.

Плиний смотрел, как либурна выбралась на открытое пространство и принялась наращивать скорость. В сумраке ее весла казались белыми вспышками, и откуда-то из глубин памяти всплыло давно позабытое воспоминание: рассвет, свинцово-серые воды Рейна – должно быть, это было под Ветерой, тридцать лет назад, – и отряд Пятого легиона, «Хохлатого жаворонка», переправляющий кавалерию на другой берег. Какое было время! Чего бы он только не отдал, лишь бы снова отправиться в путь на рассвете – или, еще лучше, – вновь повести флот в бой. За два года пребывания на должности префекта ему так ни разу и не довелось этого сделать. Но даже от того незначительного усилия, какое понадобилось, чтобы выйти из библиотеки на террасу, дабы посмотреть на отплытие «Минервы», – всего-то и нужно было встать с кресла и сделать несколько шагов, – у Плиния началась одышка. А когда он поднял руку, чтобы помахать инженеру, у него возникло такое ощущение, словно он выжимает гирю.

«Изо всех даров, подаренных человеку Природой, наилучший – это краткость его жизни. Чувства притупляются, тело цепенеет, зрение, слух, походка, даже зубы и органы пищеварения умирают прежде нас – и, однако же, этот период тоже причисляют к жизни».

Прекрасно сказано. Легко писать такое, когда ты молод, а смерть таится где-то вдали, за холмами. Но куда труднее, если тебе шестьдесят два и боевые порядки врага уже встали на равнине.

Плиний прислонился животом к балюстраде, надеясь, что секретари не заметили его слабости, потом оттолкнулся и шаркающей походкой направился обратно.

Он всегда питал слабость к молодым людям вроде этого Аттилия. Не на развратный греческий манер, конечно же, – на подобные безобразия у него никогда не было времени, хотя в армии много чего довелось повидать. Нет, это была склонность духовного порядка: они представлялись ему воплощением главных римских добродетелей. Сенаторы могут мечтать об империи. Солдаты могут ее завоевывать. Но именно те парни, что прокладывают дороги и возводят акведуки, строят ее на самом деле. Именно им Рим обязан своими просторами, связанными воедино. Плиний решил, что, когда акварий вернется, он непременно позовет его на ужин и как следует расспросит, чтобы понять, что же на самом деле произошло с Августой. А потом они вместе покопаются кое в каких старых текстах из библиотеки, и он расскажет парню кое-что о загадках Природы, чьи чудеса неисчерпаемы. Вот взять хоть ту же периодически повторяющуюся гармоническую дрожь – что это такое? Надо описать этот феномен и включить его в следующее издание «Естественной истории». Каждый месяц обнаруживается что-нибудь новое, нуждающееся в объяснении.

Два раба-грека терпеливо стояли возле стола; обязанностью Алкмеона было читать адмиралу вслух, а Алексиона – писать под диктовку. Они находились при нем с полуночи, ибо адмирал давно приучил себя трудиться почти без отдыха. «Бодрствую – значит, живу» – таков был его девиз. Плиний знал лишь одного человека, спавшего еще меньше, чем он сам, – это был покойный император Веспасиан. В Риме они частенько встречались за полночь, улаживая какие-нибудь государственные дела. Потому-то Веспасиан и поставил его во главе флота. «Мой неусыпный Плиний» – так называл его император и щипал Плиния за щеку.

Командующий оглядел комнату; здесь хранились сокровища, собранные во время путешествий по всей империи. Сто шестьдесят записных книжек, куда Плиний заносил каждый интересный факт, о котором ему доводилось читать или слышать. (Лакрий Лициний, губернатор Тарраконской Испании, предлагал ему за эти записные книжки четыреста тысяч сестерциев, но Плиний не согласился.) Два куса железняка, добытые в Дакии и сцепленные вместе в силу своего таинственного волшебства. Большой блестящий серый камень из Македонии – считалось, что он упал со звезд. Несколько кусков германского янтаря с насекомыми, застывшими внутри своей полупрозрачной темницы. Найденный в Африке кусок выпуклого стекла: он собирает солнечные лучи воедино и направляет в одну точку с такой силой, что даже самое твердое дерево чернеет и начинает тлеть. Его водяные часы, самые точные во всем Риме, построенные в соответствии с указаниями Ктесибия Александрийского, изобретателя водяного органа; их отверстия просверлены в золоте и драгоценных камнях – дабы избежать коррозии и закупорки.

Вот часы-то ему и нужны. Говорят, будто часы подобны философам: невозможно найти хотя бы двоих, полностью согласных между собою. Но часы Ктесибия были Платоном среди часов.

– Алкмеон, принеси-ка мне чашу воды. Хотя нет... – передумал Плиний, когда раб был уже на полпути к двери. Географ Страбон назвал Неаполитанский залив «винной чашей». – Пожалуй, я лучше выпью вина. Только какого-нибудь дешевого. Наверное, суррентского.

Он тяжело опустился в кресло.

– Итак, Алексион, на чем мы остановились?

– На черновике сообщения императору, господин.

– Ага. Продолжим.

Теперь, когда рассвело, следовало при помощи сигнальных вышек отослать депешу новому императору, Титу, и известить его о проблемах с акведуком. Она полетит от вышки к вышке, и так до самого Рима, и к полудню попадет к императору. Интересно, что же новый властелин мира предпримет по такому случаю?

– Мы отправим сообщение императору, а потом, пожалуй, начнем новую записную книжку и внесем в нее некоторые научные наблюдения. Тебя это интересует?

– Да, господин. – Раб взял в руки стило и восковую дощечку, стараясь подавить зевоту. Плиний притворился, будто не замечает этого. Он постучал пальцем по губам. Префект хорошо знал нового императора. Они вместе служили в Германии. Обаятельный, высококультурный, умный – и абсолютно безжалостный. Известие о том, что четверть миллиона человек осталось без воды, вполне способно вызвать один из его знаменитых припадков смертоносного гнева. Значит, нужно очень тщательно подобрать слова.

– «Императору Титу от префекта флота в Мизенах, – начал он. – Приветствую тебя!»

«Минерва» прошла между двумя огромными бетонными молами, защищающими вход в порт, и вырвалась на простор залива. Лимонно-желтый свет раннего утра играл на волнах. За частоколом шестов, обозначающих устричные банки, над которыми с криками вились чайки, Аттилий увидел рыбные садки виллы Гортензия. Он встал, чтобы лучше видеть, и попытался приноровиться к движению судна. Террасы, дорожки в саду, склон, на котором сидел Амплиат, наблюдая за казнью, протянувшиеся вдоль берега пандусы, мостики, ведущие к садкам, устроенный в стороне от прочих большой садок для мурен – повсюду было пусто. И красно-золотая яхта уже не стояла у причала.

Да, Ата сказала правду: они ушли.

Когда Аттилий перед рассветом покидал резервуар, старуха еще не пришла в себя. Аттилий положил ее на соломенном тюфяке в одной из комнат, соседствующих с кухней, и велел приставленному к хозяйству рабу, Филону, вызвать врача и позаботиться о старухе. Филон скривился, но Аттилий рявкнул на него, чтобы тот не выпендривался, а делал, что велят. Если старуха умрет – что ж, возможно, это самый милосердный для нее исход. Если же поправится – может остаться, он не возражает. Ему так или иначе пришлось бы покупать какого-нибудь раба, чтобы тот заботился о его одежде и еде. Работа несложная: Аттилий всегда был неприхотлив и не уделял этому особого внимания. Пока он был женат, домашним хозяйством ведала Сабина. После ее кончины хлопоты

взяла на себя мать.

Огромная вилла казалась темной и мрачной, словно гробница; крики чаек напоминали вопли плакальщиц.

– Я слышал, будто он отвалил за дом кучу серебра, – сказал Муса.

Аттилий хмыкнул, не отрывая взгляда отвиллы.

– Ну, его здесь все равно нет.

– Амплиата? Конечно, нет. И никогда не бывает. У него дома повсюду. По большей части он живет в Помпеях.

– В Помпеях?

Вот теперь акварий оглянулся. Муса сидел, скрестив ноги, прислонившись к груде инструментов, и ел фигу. Он вечно что-то жевал. Жена каждый день давала ему с собой столько еды, что хватило бы на дюжину человек. Муса засунул в рот последний кусочек плода и облизал пальцы.

– Ну да, там. Он делает деньги в Помпеях.

– И однако же он родился рабом.

– Такое уж нынче время, – с горечью произнес Муса. – Рабы едят с серебряных тарелок, а честные свободнорожденные граждане трудятся от рассвета до заката за сущие гроши.

Остальные рабочие сидели на корме, собравшись вокруг Коракса; тот, подавшись вперед, что-то негромко говорил – рассказывал нечто такое, что требовало оживленной жестикуляции и выразительного покачивания головой. Наверное, описывал вчерашнюю беседу с Плинием.

Муса открыл бурдюк с водой и сделал пару глотков, потом вытер горлышко и предложил бурдюк Аттилию. Аттилий принял бурдюк и присел рядом с Мусой. У воды был горьковатый привкус. Сера. Аттилий отпил немного – скорее из

вежливости, чем из желания попить, – тоже вытер горлышко и вернул имущество хозяину.

– Ты прав, Муса, – осторожно сказал он. – Сколько лет Амплиату? Еще и пятидесяти нет. И все же он поднялся от раба до владельца виллы Гортензия за такой срок, за который мы с тобой не наберем денег даже на какую-нибудь квартирку, кишашую клопами. Разве можно так разбогатеть честным путем?

– Честный богач? Скорее встретишь зубастую курицу! Я слышал, – сказал Муса, понизив голос и оглянувшись через плечо, – что на самом деле он начал богатеть сразу после землетрясения. Он получил свободу по завещанию старика Попидия. Амплиат в молодости был красавчиком и для хозяина был готов на все. Старик был известный развратник и наверняка не упустил и этот лакомый кусочек. А еще Амплиат по его поручению обслуживал его жену. Ну, ты меня понимаешь, – подмигнув, сообщил Муса. – В общем, как бы там ни было, но Амплиат получил свободу и где-то разжился деньгами. А потом Юпитер решил малость встряхнуть эти края. Это было во времена Нерона. Паршивое было землетрясение – хуже просто никто и не помнит. Я был тогда в Ноле и честно тебе скажу, думал, что пришел мой конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/robert-harris/pompei/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Hora prima – час первый; hora duodecima – час двенадцатый (лат.). – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Vespera – лат. «вечерняя»; Prima fax – «зажигание факелов»; Concupia – «время, когда ложатся спать»; Intempesta – «глубокая ночь»; Inclinatoria – от лат. inclinatus – «идущий на убыль»; Gallicinium – «крик петуха»; Conticitium – часть ночи перед рассветом; Diluculum – «предрассветная пора, рассвет».

Купить: <https://telnovel.com/ru/robert-harris/pompei-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)